ВІЛЬНЕ ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО КОЗАЦТВО

25-го июня 1930 г.

ПРАГА

60

25-го червня 1930 р.

PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

РІК ВИДАННЯ 3-ій

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Е. Булавин:* *** Стихи.
2. *Еф. Якименко:* В дороге.
3. *Борис Кундрюцков:* Заря.
4. *Ив. Томаревский:* Мать казачка.
5. *Н. Нечуй-Левицкий:* Сумрак над Доном.
6. *В. Седов:* Ушедшая весна.

---

7. Зруйнування Запоріжжя.
8. Необходимо сказать.
9. Инж. *В. Бейсуг:* Совхозы и колхозы.
10. *В. П. Елисеев* (В. Петров): „Две ошибки“.
11. *Ис. Быкадоров:* К вопросу о казачьем поселении на землю.
12. *Санжа Балыков:* Нечто о колониальной политике.
13. *Шамба Балинов:* „Я этого не хочу, я этого не могу“.
14. *Вл. Куртин:* Крым—Далмация.
15. *Сергей Макеев:* В провинции.
16. Думы и мысли.
17. Международная жизнь.
18. Казачья эмиграция.
19. В Казачьих Землях.

В июле месяце журнал „В. К.“ выйдет один раз двойным номером 25 июля.

Почтовый ящик.

Франция. — Н. Т. — Получено. Посылается. Привет.

Австралия. — И. К. — Спасибо за доброе слово. Посылается. Привет всем уральцам.

Франция. — Ив. — Получено. Спасибо. Привет.

Югославия. — В. К. — „Пластуны“ получены. Привет.

Болгария. — И. Е. — Получено. Привет.

Канада. — Е. Б. — Получено. Привет.

Канада. — М. Ф. — Одержано. Вітаємо.

Югославия. — А. Ч. — Получены. Привет.

Банат. — Г. А. — Пришлите на всякий случай вторую (обещанную) фотографию. Привет.

Югославия. — А. П. — Посылайте продолжение. Привет.

Болгария. — М. Г. — Получено. Спасибо. Привет.

Болгария. — Г. К. — Будет посылаться. Привет.

Париж. — Д. В. — Будет исполнено. Привет.

Югославия. — А. Г. — Получено. Привет.

Франция. — М. Г. — Получено. Привет.

Румыния. — В. Е. — Все получено. Привет.

Земун. — П. К. — Получено. Присылайте продолжение. Привет.

Франция. — П. К. — Ответ будет. Привет.

Болгария. — Н. П. — Будет помещено в след. номере. Привет.

Страконице. — Е. К. — Просьбу исполняем. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
А. Шапошников. Сливен.
С. Мукукенов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.
F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. П. Чорный — A. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопље.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

ВО ФРАНЦИИ:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.
M-r Ivanoff. B. av. Pasteur 6. 13. S. L. S. A. à Decines (Isere).
С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.
Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 25. rue Gutenberg, Paris (15).
Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
Б. Х. Бембинов (район Нанта). M-eur Bembinoff, Verreries de „Bretagne“ à Verton.

В ПОЛЬШЕ:

Вл Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 60 *Прага, среда 25-го июня 1930 г.* *№ 60*

Е. Булавин. *(Канада).*

* * *

Бескрайней сушей, водой без предела,
За сотню народов, не меньше границ,
Судьба удалила с тяжелым крестом
Меня от родимых, прекрасных станиц.

Отцовская хата, Родимый мой Край,
По вас мое сердце в тоске изнывает, —
Не нужен мне призрак — неведомый рай,
Лишь вас, дорогих, для меня не хватает.

Когда мне взгрустнется вечерней порой,
Я мысленно там — далеко — побываю,
И звон колокольный, волнистый, густой,
Доселе так ясно себе представляю.

В проулках станицы, кривых, немощеных,
Мальчишки резвятся, играя в коней...
В садах, по хмереча и рощах зеленых
Чарующей трелью поет соловей.

Увидел наш храм... величав, но унылый.
Во мраке, мерцая, лампада теплится.
Старушек с десяток, походкою хилой,
С клюкою, согбенны, идут помолиться.

В молчаньи бесшумно скользнули, как тени,
По темным, угрюмым углам разошлись.
К холодному полу прильнули колени
И слезы горячим ручьем полились.

Струится молитва со старческих уст
И катятся слезы поблекшим лицом, —
Всю тяжесть невзгоды и скорбную грусть
Они облегчают всевышним Творцом.

Я взором упорным кого-то искал
В колоннах когда-то богатого храма.
О радость! О счастье! Ее я узнал —
Стоит здесь и наша несчастная мама.

Состарилась вовсе, белее, чем прежде,
Былая увяла совсем красота,
Без имени обувь, в заплатах одежда,
И лишь не угасла ее доброта.

И знает, родная, — пробьет скоро час...
И жизнь для нее не пойдет уже вспять...
Творца она молит... еще бы хоть раз
Обнять ненаглядных своих соколят.

Нас пятеро было, ее сыновей,
Не дал Господь ей на нас любоваться:
Два рано могилою взяты у ней,
А трем суждено на чужбине скитаться.

. . . . . .

И моя голова в молитве склонилась,
Но как-то упреком молитва сложилась, —
О, Боже! за что ты караешь и тех,
Кем в жизни смеяться считалось за грех.

Еф. Якименко. (Франция).

В дороге.

(Из ненапечатанной повести).

В вагоне, где уселся Фома Макеевич с сыном, народу было немного. Пассажиры были все какие то разнокалиберные. Бурда в начале не обращал особого внимания на своих спутников, а был занят размещением своих мешков, заменяющих чемоданы. Чего, чего не было в этих мешках. Тут была черкеска, которую он оденет по приезде в Ставрополь; провизия, состоящая из хлеба, сала, цыплят и пр. Если бы посмотреть на ее количество, то можно было бы с уверенностью сказать, что Бурда едет в двухмесячное путешествие.

Разместив багаж, он достал люльку, набил ее табаком, закурил и уселся в углу отдаваясь приятной мысли о будущности своего сына. Рано, правда, было думать о далекой будущности, но он все же тешил себя мыслью, что через 2—3 дня его сын будет принят в гимназию — будет принят первым. Фома Макеевич иначе и не представлял себе поступления сына в гимназию, как не первым...

Из этого размышления вывел Бурду громкий разговор, происходивший в соседнем купе.

— Ну, как Вы, станичник, сильно намазали дегтем Ваши сапоги, — говорил какой то толстый, лысый господин в крахмальном воротничке, — прямо сидеть невозможно. Вы думаете, что всем приятен запах дегтя? Ведь это прямо невозможно проезжать в поезде по казацким губерниям, — везде сплошной запах дегтя, закончил незнакомец повышенным и раздраженным голосом.

Казак, к которому относились эти слова сначала смутился, но вскоре ответил незнакомцу, что поезд

предназначен для всех пассажиров и что если кому не нравится запах дегтя — тот может не ездить через казачьи области поездом, а избирать себе другой способ передвижения; говорят же что уже „аропланы" появились и можно летать по воздуху, закончил казак в смазанных дегтем сапогах, не без иронии в голосе.

Бурду претензия толстого господина удивила. — Подумай, какой „студент", дегтем сапоги помазал так это ему помеха. Не македоном*) же их мазать! Хорошо, что я одел щигриновые сапоги, а то он, пожалуй, и меня не оставил бы в покое...

— А там какой то станичник курит трубку, да такой проклятющий табак, что голова кружится, — послышался снова голос толстого господина, прервавшего рассуждение Бурды на счет дегтя.

— Э... Э... Это уже меня касается, подумал Бурда, но, нет чортов сын, ради твоего каприза не брошу же я курить, ведь вагон то для курящих и неизвестный городовик не может запретить мне курить...

— Эй, вы, там, станичник, потушите свою фабрику, а то из Вашей трубки идет больше дыму, чем из паровозной трубы.

Сдержанный и уравновешенный Бурда, спокойно заявил толстому пассажиру:

— Если вы не переносите табачного дыму, то можете пересесть в вагон для некурящих...

— Правильно, правильно, послышались голоса казаков из разных концов вагона.

Кто то из угла говорил: то ему дегтем воняет, то табачный дым мешает; подумаешь, яка цяця. Ведь не для него одного предоставлен вагон, твердили осмелевшие голоса пассажиров и этим несколько уняли строптивого господина.

Фома Макеевич, заставивший незнакомца замолчать, обратил на себя внимание других пассажиров, среди которых было немало и казаков. Пошли расспросы: какой станицы, куда кто едет, по какому делу и проч. Перешли разговоры на урожай, где как родила пшеница, ячмень, подсолнух... Казаки уже собрались в одно купе и всецело погрузились в разговор о земле, о хозяйстве, одним словом в вопросы насущного дня. Один казак, как то отвлекся от общего разговора и спросил Бурду.

— А Вы далеко, станичник, едете?

— Да... далеко... Ответил Бурда как бы нехотя, в Ставрополь еду, определять сына в гимназию. При этом он указал рукой на маленького Харитона, сидевшего в углу и о чем то думавшего.

Ответ Фомы Макеевича сразу возвысил его в глазах едущих.

— Правильно делаете, что выводите детей в люди, сказал уже немолодой казак с небольшой красивой бородой в каракулевой папахе с урядничьими галунами. — Вот у меня племянник учится в семинарии, один год ему остался. Трудно нашему брату, простому казаку, учить детей, — достатки не так большие, а на войсковой счет, хотя бы мальчик и хорошо учился, определить слишком трудно; к тому же все говорят: зачем Вам казакам грамота? У вас земля, вы живете богато, а того не знают, что паевой надел с каждым разделом все уменьшается, да и богатство то какое? Работаешь, работаешь, стягиваешься на хозяйство, подрос сын — справь на службу, пришел со службы, жени, если не женат до службы, отдели, построй хату, одним словом поставь на хозяйство. Вот и вертишься, как белка в колесе... Племянник мой сирота. Отец его умер в скором времени по возвращении с Дальнего Востока; сколько старались, чтобы сразу получить стипендию, так нельзя никак, два года платили и только на третий зачислили на казенный счет. А у его матери какие достатки? Сами понимаете, вдова, дети, сама ведет хозяйство, дети еще не так смышлены чтобы помогать матери. Сама пашет, сама сеет, сама косит, словом, кругом сама. Помощь детей только и видна, что погоняют лошадей во время молотьбы. Правда, старший, который учится, во время каникул рвется к работе, больно до души ему наша привольная, необозримая степь, но мать его жалеет, ведь тоже устает, просидев целый год за книгами.

Помолчав немного урядник продолжал:

— Отрадно, хотя не сын он мне, а племянник, а все же и мне приятно; поговоришь с ним и чувствуешь, что хотя и старше его, пожил на свете, многое видел, сам на службе был, домой урядником пришел, а он, не смотря на свою молодость, много больше знает и все толком пояснит. А что делает людей такими? Образованность... Там в семинарии их на скрипке играть учат, — любо послушать, когда племянник вечером начинает разыгрывать разные марши, вальсы, а уже как начнет играть наши казачьи песни, да еще тихонько и подпевает, то прямо душа рвется... Чего, чего только он не знает: и про Кухаренка, как его черкесы в плен взяли, как наших черноморцев насильно переселяли за Кубань, о той вольности, которая была здесь, когда казаки были сами себе хозяева... То так тогда понуришь голову, чтобы не видели тех слез, которые заиграют в глазах старого казака.

Тут голос урядника как бы немного оборвался; видно было что он переживает и приятное и тяжелое состояние при воспоминании не так уже делекого прошлого. Он сожалел о временах, бывших до Кухаренко. Казаки, слушавшие с почтением повествование урядника, тоже молчали. С минуту тянулось это молчание, потом урядник продолжал:

— А теперь что? Кругом обрез, куда ни поткнись, везде препятствие. Куда ни кинь, везде клин, а темнота наша, да необразованность так бросается всем в глаза, что любой обманет тебя. Так вот я и говорю: нужно детей выводить в люди, нужно давать образование, чтобы им не пришлось тянуть лямку так, как тянем ее мы, заключил урядник.

Возгласы одобрения и сочувствия были ответом уряднику на его слова. Бурда с особым вниманием слушал урядника и тут же мысленно благодарил учителя, давшего ему совет, и радовался, что он намерен поставить сына на ноги.

В разговоре незаметно летело время. Поезд мчался с той же быстротой. О толстом господине все забыли. Харитон прильнул к окну и только изредка отрывался от него для того, чтобы сказать отцу: а вот там пашут, а там еще молотят.

Скоро поезд примчал наших путников к узловой станции N-ской, где встали все казаки-попутчики Бурды. Он остался с сыном, развязал мешок с провизией и приступил к обеду, предварительно принеся со станции кипятку для чая. Обед еще не был закончен, когда поезд тронулся, унося ближе к цели казака с сыном...

*) Дешевая помада, которой пользуются в станицах девушки. Запах такой помады очень приятный.

Борис Кундрюцков. (*Белград*).

ЗАРЯ.

Заря, заря — твой свет украли тучи
И ветер разогнал всю ласковость твою,
Румянец твой погас, туман встает летучий —
И в этот день напрасно я стою...

Ты не взошла, заря! Рассвет был зол и мутен,
Как сумасшедший взор, он пронизал меня,
В душе — смятенья гул, и берег так безлюден,
Как будто испугались люди дня...

И, сумрачно шумя, катились с моря волны,
С мольбой безумною стелились по песку,
И ветром в кучу согнанные челны
Бессилием своим вселили в грудь тоску!..

И чаек резкий крик заставил сердце сжаться.
Предчувствием томим, зажмурил я глаза, —
Я ждал зарю, чтоб ласке вновь отдаться,
Но нас подстерегла угрюмая гроза.

Ив. Томаревский.

(Болгария).

МАТЬ КАЗАЧКА.

На кургане казачка седая,
Сидя, смотрит на шири степей,
Из похода-войны поджидая
Своих двух казаков сыновей.
Устремила свой взор она в поле
И глядит, и глядит без конца...
И вздыхает: „О, горе мне, горе!
Одного хоть увижу-ль сынка?
Говорят, вот, что многие пали,
Улеглися на шири степной,
Свою жизнь молодую отдали
За свободу, за Дон свой седой;
А живы-ль сыновья, — я не знаю...
Где они, иль могилочки их?
Когда-б знала, пошла, розыскала,
Помолилась за душеньки их!..
Я ждала и молилася Богу,
Да, как видно, так Бог порешил,
Что на веки я их проводила, —
Чтобы лечь им средь чуждых могил.
Не ропщу я — на то Его воля,
Но я весточки жду от других, —
Где сыны мои пали на поле,
Чтоб найти мне могилочки их...“
И сидит она дни на кургане,
И не спит она дома в ночи,
А все шепчет о Васе, о Ване
Материнские речи любви...

Н. Нечуй-Левицкий.

Сумрак над Доном.

(*Отрывок из романа*).

В субботу, отработав положенные часы, Сергей Донатович приехал из исполкома домой. Он застал мать в крайне удрученном настроении.

— Сережа, не могу больше... Ой, не могу, не выдержу! — плакалась она. — Понимаешь, нас лишают и того последнего, на что мы еще имели право: оставили нам только одну комнату, а в остальные, как тараканов налезло бездомников. Третий день уже ничего не варю к обеду... Не могу выйти на кухню, где все завалено ихним барахлом и всякой дрянью. И до чего дерзкие! Силой не пускают к печке. Когда очутишься среди них, так вся и с'ежишься под враждебными взглядами... А с огородом настоящая кара египетская. Все имеют на него право, только не мы — его хозяева. Приходится тайком, как воровке, брать овощи. У Миши кулаки чешутся, чтобы проучить одну из пролетарок, которая ругается самыми отборными солдатскими словами. Все время сдерживаю его, чтобы не вышло еще хуже. Слишком много горючего материала кругом...

В доме было действительно хуже, чем в жидовской корчме. Всегда тихий и даже хмурый особняк наполнился вдруг целой гаммой непривычных звуков. Грязные, полунагие ребятишки, как молодые телята, носились по двору. Все дорожки в саду и цветники были ими загажены. Бабы-красноармейки понавешали перед домом какой то рвани. Их раз'ехавшиеся зады и толстые икры ног то и дело мелькали в окнах.

— Взглянуть и умереть, другого ничего не остается, — с отчаянием в голосе проговорила мать. — Что нибудь сделай Сережа. Либо как совслужащий, постарайся их выгостить отсюда, либо переселимся сами в другое место, или же, наконец, я просто брошу все и пойду куда глаза глядят, только бы не оставаться в этом вертепе.

У Сергея Донатовича самого получилось такое ощущение, как если бы он был не у себя дома, а на паршивом постоялом дворе с сомнительной репутацией.

Сергей Донатович глубоко задумался над положением, которое создалось после бегства его отца и торжества красных. Действительность была неприглядна и наводила на жуткие мысли. Хозяйство разорилось. В конце концов семья Ретиловых существовала на блага, накопленные в прошлом отцом и уцелевшие от советской конфискации. Расходовалась, таким образом, не прибыль, а основной капитал. Паек получаемый Сергеем Донатовичем и его братом, был до смешного мал и в рассчет приниматься не мог, а других источников к жизни у них не было.

Раньше за семьей числился по крайней мере огород, снятый отцом в аренду. Но после его бегства огород был поделен между семьями бывших добровольцев красной армии из иногородних. Ретиловым хотя и разрешили брать овощи в меру потребностей, но новые хозяева поспешили это право сузить до минимума. — Огород теперича наш, а то на основании, што мы будем за него платить налог. Нешто мысленно для свиней такую гибель картофеля выгребать, коли мы в ем себе нуждаемся, — заявила как то Сергею Донатовичу жена одного красноармейца.

— На вашу утробу, почитай, хватит, а скот не будет с голоду подыхать, — возмутился молодой человек.

— Не держите скотины, так и голодать не будет,— радикально разрешила затруднение советская молодка. — У меня вот и дитё махонькое, а обхожусь без всяких мясов.

— Очи у вас завидущие, гражданка, — брезгливо ответил Сергей Донатович. — Огород ведь мы засадили и брать будем с него, сколько нам понадобится. Вы для нас устанавливать норму потребления не будете. Даром все это вам досталось, так что каркать изволите?

— А муж мой даром разве кровь проливал? Неча вам ноне козыриться! Наше право пошло! Ежеле будете делать такую безобразию, на вас весь налог пропишем. Вы, нагаечники казацкие, ездили по нашим спинам пролетарским вволюшку, а сейчас мы по вашим малость прокатаемси.

Как два готовые к делу пулемета, смотрели на молодого человека колючие, красные, как у кролика, глаза красноармейки из под бесцветных, „невинных“ бровей.

Сергей Донатович презрительно сплюнул и ушел с огорода.

„Господи, какая бездна ненависти клокочет в этом народе, недавнем „богоносце“, — с горечью, но без злобы подумал молодой человек, взволнованный столкновением с неприятной соседкой. — А за что? Ничего ведь у нее не взял, ничем ее не обидел. Не позволяю только посягать на ту крупицу права, которую предоставила нам сама же соввласть“...

В. Седов.
(*Франция*).

УШЕДШАЯ ВЕСНА.

Была весна. Грачи в вербах галдели.
Шумела мельница скрипучим колесом.
Наш милый сын качался в колыбели.
Рыдала ты, прильнув ко мне лицом.
А в далеке гремели грозно пушки, —
То красный хам громил наш Край родной...
И, сгорбившись, две дряхлые старушки
Крестили нас дрожащею рукой.
Я уезжал на бой, ты оставалась.
Малютка спал спокойным детским сном.
А сердце юное во мне сжималось:
Я оставлял всех вас и отчий дом.
А на дворе было все зелено, все четко...
В сиреневом кусте пел песню соловей;
Застывши в воздухе, пел жаворонок звонко
Гимн торжествующий родных своих степей.
В последний раз простились за плотиной,
Обросшей вербами и чутким камышом.
Там ожидал меня мой конь ретивый,
Оседланный серебрянным седлом.
Ты для меня в тот миг была виденьем —
Воздушная, вся в белом, как мечта, —
Как будто небо высшим провиденьем
Тогда уже решило взять тебя...
Последний поцелуй и скок коней могучий.
Ты мне махала издали.
А в воздухе попрежнему пел хор летучий;
В тернах над речкою рыдали соловьи;
И нивы зеленели бархатным отливом;
Все в бело-розовом цветущие сады;
В зеленой раме, в одиночестве сонливом,
Застыли синие стеклянные пруды...
Прошел ужасный год и я вернулся снова, —
Был тот же май, цвела кругом весна...
Но, видно, никогда уж не вернуть былого, —
Ты в мир другой уж с сыном отошла...
На месте дома — печь стоит уныло
Вся черная, как скорбная вдова,
Да обгоревший куст сирени сиротливо
С тоской бессильной встретили меня.
И лишь грачи, как год назад, галдели;
Как и тогда — пел звонко соловей;
Цвели сады; и нивы зеленели;
Через плотину ласково журчал ручей...
Прошли года и многое забылось,
Остыло сердце, притупился ум,
Но не было еще, чтоб сердце не забилось,
Когда услышу я весной грачиный шум.

Зруйнування Запоріжжя.

(1775—1930).

175 років тому назад (4-17 червня) сталася подія, яка мала для всього Козацтва великі історичні наслідки: Россійським військом цариці Катерини II була зруйнована славна Запорожська Січ та скасовано козацьке Запорожське Військо, а козаки-січовики, після довгих блукань по чужих землях та митарств, були, під назвою Війська Чорноморського, переведені на Кубань, де потім вкупі з частиною Війська Лінейного утворили Козацьке Військо Кубанське.

У світлі історичного порівнання та оцінки подій руйнація Запоріжжя москалями стає особливо зрозумілою для Козацтва та набуває актуального значіння саме тепер, коли на Землях Козацьких нові московські можновладці з такою ж брутальністю похторюють політику колишнього уряду Катирини II. В наш сумний час червона Москва з тією ж подібністю та послідовністю, з тими ж самими методами обману та террору, провадить свій одвічний наступ на „окраїни“, а в першу чергу на Козачі Землі, відбирає від козаків їхню землю, розшарпує козачі территорії новоутвореними з ріжного чужого (московського) зброду колхозами, совхозами чи то і „республіками“, та безоглядною централізацією нищить всякий вияв духа свободи і незалежної волі. Те, що сталося півтораста років назад на Запорожських Землях, як завершення царської імперіалістичної політики по відношенню до Козацтва, те ж саме відбувається зараз під владою російських большовиків. Тому то сумна згадка на 155 роковини зруйнування Запорожської Січі більш ніж коли инде заслуговує нашої гострої уваги та спонукає до найглибшого розміркування.

Цілковите й остаточне знищення автономії України і Козацтва; скасування, у звязку з цим, Запорожського Війська та руйнація Січі припадає на царювання Катерини II, на час, коли „розбухання“ Росії на рахунок розтрощених нею держав та підбитих народів досягало свого розквіту.

Нестримний імперіалізм, під знаком якого йшла Росія по історичному своєму шляхові аж до останнього часу, започатий був ще московськими великими князями і царями нищенням самостійних князівств, підбиттям самостійних республік Новгородської і Псковської, та великими войнами за опанування берегів Балтику. З часів Петра I цей великоросійський імперіалізм стає особливо помітний своєю інтензивною силою. Опановуючи береги Балтику, Росія починає вже сягати і до Чорного моря та Каспію. Майже ціле царювання Петра I позначено постійними та довгими войнами з Польщею, Швецією, з Персами, з Турцією, Кримом, з Україною і Доном. Катерина II виявилася достойною спадкоємицею Петровської експанзії. По перемозі над Туреччиною, по завоюванню Криму та знищенню останніх знаків автономії України, черга доходить і до Запоріжжя.

Найбільшими непорозуміннями між російською владою і Запоріжжям були суперечки за землі. Вже в р.р. 1720—1730 царський російський уряд проти волі Запоріжжя почав будувати лінію укріплень по над козачими степами; почав займати поступово „запорожські вольности" — запорожські землі; з р. 1732 на цій „лінії" поселено селами і городками чимало ріжних виходців, головно з Сербії. Ця „Нова Сербія", як її названо, заняла увесь північний край запорожських земель; організовані були ці „колоністи" по воєнному — в полки, роти (піші та кінні) і дуже стиснули запорожців. Далі, з року 1750, руський уряд заселив знов чималі обшари запорожських земель ріжним людом (переважно чужим), своїми пікінєрськими та „козачими" слободами. Це дуже дратувало січовиків, що на їхні землі лізуть непрошені чужинці, відбирають у них степи, рибні й звірині лови. Запорожці старалися якось усунути цю шкоду, доходили свого права документами, руйнували чужі оселі на своїх землях оружною рукою, — нічого не помагало.

За часів Катерини II непорозуміння між російським урядом і Запоріжжям ще більше загострились, бо викроївши зі запоріжських земель нову губернію Новоросійську, уряд став межувати козачі обшари та знов заселювати їх чужинцями. Запорожці стали активно боронитись, розганяли поселенців і недозволяли межувати свої землі. Така рішучість козаків „розгнівала" петербургський уряд. Правда, за останнє десятиліття перед руйнацією, Запоріжжя само дуже змінило свій вигляд. Під певною рукою останнього кошового Петра Кальнишевського, людини дуже обережної, розважної і розумної, запорожці заселили значну частину своїх земель рідною їм хліборобською людністю, позасновували цілі великі села; самі січовики почали вже почасти змінювати уклад свого життя, — відходили на зімовники, женилися і розводили великі, квітучі господарства; власними своїми силами запорожці мали змогу оселити свої землі і залюднити степи... Поволі козача воєнна республіка — Військо Запорожське перетворювалось в республіку — державу.

Це більше всього не подобалося Росії. В боку Петербургу починаються „скарги", шукають, до чого можна було б причипиться; на козаків „нарікають", що вони займають великі простори землі... „Обвинувачування" січовиків з боку російського уряду носило само в собі велику суперечність: то обвинувачували їх у тому, що вони „держать у своїх руках порожні землі", то знов у тому, що вони змінюють свій військовий уклад, женяться і господарюють. Ясно було, що цариця заздалегідь уже вирішила знищити Запоріжжя і шукала лишь зачіпки.

Та ухваливши вже і остаточно зруйнувати Запоріжжя, російський уряд все ж не відважувався зробити це одверто, бо боявся „несподіванок", — Запоріжжя могло ще боротись... Тому цю справу поведено таємно і помалу.

В р. 1775, по скінченні турецької війни, у Запорожські Землі вислані були воєнні команди, аби відзброїти січовиків, які були на ріжних промислах, та зайняти залогами важні пункти. Літом генерал Текелій з великим російським військом увійшов „по приятельські" у Запорожські Землі, зайняв їх паланки (округа) і несподівано обложив Січ. Погроджуючи артіллерією, оголосив, що Січ, з царського наказу, касується, запорожці мусять піддатися і розійтись.

Хоч на той час в Січі було і мало війська, всеж козаки не хотіли коритись, а хотіли боронити долю Війська. Але Кошовий бачив, що на цей раз сила на боці москалів. Січовики — одна частина піддалася, друга — більша — в ночі вирушила вниз по Дніпру і пішла за Дунай „під Турка".

Січ була зруйнована. Церква пограбована. Козача старшина заарештована, а решту козаків розігнали... Скоро окремим царським указом було оповіщено про скасування Запорожської Січі „с уничтожением самого имени запорожских казаков".

Так під ударами російського царського імперіалізму закинчила свое існування Запорожська Січ — республика Запорожських козакив. Але не закінчили свого історичного існування запорожські козаки: це вони склали більшисть теперішнього Війська Кубанського.

Через півтораста років другі, инші московські царі зруйнували Козацтво — все на цей раз і... знову пішли козаки в еміграцію, а земли козачі межують ті ж самі зайди.

Слухай, Козацтво, як довго це буде? Чи встанеш Ти на цей раз з мертвих, чи виженеш ворога з Землі своєї і чи будеш уже надалі паном і господарем у себе Дома? Чи збудуєшь Державу Козачу, чи цілий свій історічний вік будеш поневірятись у приймах та в наймах? — Ми кличемо Тебе брати свою долю в свої руки. Ставаймо ж одностайно та будемо будувати Козакію!

Необходимо сказать.

Орган Общеказачьей Студенческой Станицы в Праге, журнал „Казачий Сполох" в №. 21 принес две статьи: „Настоящее и перспективы", подписанную группой каких то будто бы „вольных казаков", и „Необходимо сказать", подписанную К. П. и являющеюся, повидимому, выражением программных мыслей самой редакции журнала.

Обе названные статьи, взаимно дополняя друг друга, имеют очевидной целью нанести, как кажется их авторам, „решительный удар" редакции журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво" и тем дискредитировать как руководителей В. К. (передовая статья), так и самую идею В. К. (статья вторая). Авторы обоих статей даже не замечают при этом, что и как впадают в крайние противоречия между собою. Редакция „К. С.", выходя, в нападках на В. К., из собственных

бессовестно демагогических намерений, потому только и дала место статье так наз. „группы казаков Вольного Казачества" на страницах своего журнала, что эта статья написана в соответственно провокационном стиле; в остальном „К. С." бьет своих союзников по шапке, читает им нотацию, дает „глубокомысленные" наставления...

Мы не имеем намерений заниматься специальным разбором вышеназванных статей. Содержание и форма их настолько провокационны, они так рассчитаны на дешевый успех среди некоторых кругов, враждебных В. К., что отвечать на них, полемизировать, выяснять что-либо или об'ясняться мы считаем ниже своего достоинства. Идеи и лозунги, выдвинутые Вольным Казачеством, настолько ясны, просты и определенны и настолько отвечают желаниям и стремлениям, равно как и интересам Казачества, а работа редакции журнала „В. К." настолько сама по себе понятна и общепризнанна казачьей эмиграцией, что все это не нуждается в новых подчеркиваниях или комментариях.

Все, что построено в двух упомянутых статьях на пунктах отрицательных, недоказуемых и неопределенно расплывчатых, мы сознательно оставляем без внимания, как материал, не имеющий в себе никакого действительного содержания. Будем касаться здесь лишь пунктов, так сказать, положительной (позитивной) программы в статьях „К. С." Делаем это не в своих собственных, а в интересах общеказачьих, ибо неясность и намеренная неопределенность утверждений „К. С" способна, возможно, ввести кого либо в смущение. Мы потому только и будем отвечать этот раз „К. С.", чтобы, в интересах всей казачьей эмиграции, покончить раз навсегда с подобного рода пустозвонными или демагогическими, нарочно затуманенными вопросами и раскрыть всю их несостоятельность.

Относительно первой статьи — „Настоящее и перспективы" — нам нечего сказать, ибо позитивных, положительных пунктов, выражающих определенные стремления ее авторов, в ней не выдвинуто. В этом отношении статья ограничивается лишь общими, туманными замечаниями (не новыми и не оригинальными) относительно необходимости „уберечь искру казачества", о задачах молодой казачьей интеллигенции, о необходимости образовать единый казачий фронт и пр. Под такими общими местами может подписаться каждый.

Зато статья „Необходимо сказать" заканчивается определенными „положительными" формулами, подчеркивающими общую русско-единонеделимческую идеологию и стремления некоторых казаков, до сих пор таящих в себе мечты о возобновлении служилой роли Казачества интересам Единой и Неделимой. Об этой, „положительной программе" „К. С." и скажем несколько слов.

Авторы статьи „Необходимо сказать" обращаются к В. К. с такими словами: „всякая политическая казачья группировка охотно пойдет с вами по пути единения, если вы: 1) любовь к „станичной колокольне" распространите на Россию; 2) вытряхнете из головы идеи, навеянные иноземным инструктором, и 3) будете искать естественных союзников казачества на Родине, а не в столице одного из соседних государств". По очереди эти пункты и разберем. Итак,

1. О „станичной колокольне" и о любви к России.

Мы спрашиваем казачьих русско-единонеделимцев: почему любовь к станичной колокольне должна распространяться на Россию? Почему исключительно на Россию? На каком логическом основании строится это требование? Уж если боитесь болеть „узким", „местным" патриотизмом, то вы должны были бы стараться как можно более его расширить, перенести за Россию, распространить на Европу, на всю белую расу, на все человечество; широчайшие границы этой любви охватили бы весь интернационал... Если вы признаете нормальность и необходимость распространения любви, как высшего закона человеческой солидарности, то почему насильно ограничиваете его Россиею? Если же наоборот, признаете какой то закон необходимого ограничения патриотической любви, то почему опять таки это ограничение упираете только в Россию? Ведь, известно, по каким то определенным признакам можно или надо бы это ограничение суживать и далее; и вы, в конце концов, возвратились бы опять к своей пресловутой „колокольне". Вот первая логическая ошибка, вытекающая из свободного обращения с неопределенными понятиями и игривыми словами, ибо надо же согласиться, что „станичная колокольня" в формуле „К. С." не более, как крылатое слово.

Каждым, кто способен правильно мыслить, чувствуется крайняя неясность такого требования, обращенного к В. К. Каждому должна чувствоваться необходимость определения известного признака, который бы регулировал распространение и суживание патриотической любви. Этот наиболее понятный, определенный признак В. К. давно установило и по нему распространение истинно казачьей патриотической любви естественно упирается лишь в границы Казачьих Земель — Казакии. Признак этот — сознание национального, культурного и бытового единства Казачества и признание им общих политических и государственных целей.

Это — наивернейший критерий чистого и естественного патриотизма. Согласно этого критерия и „станичная колокольня" и вся Казачья Земля — одно и то же, ибо лежат они в одной плоскости сознания единства и общности интересов. Станичная же колокольня и Россия — два понятия. За границами Казачества сознание единства и общих целей не только что меркнет и расплывается в неопределенность, но, наоборот, встречается и с иным сознанием, с другими целями. Потому то любовь к своему родному и вполне определенному теряет свою естественную силу на той границе, где исчезает понятие единства, общности, а возникает новое понятие отчужденности, иногда и враждебности. Кто не дошел до этого естественного сознания, тот не сформировал еще у себя понятия истинного патриотизма, и его „любовь к отечеству" не более, как слова, лишенные подлинного содержания.

Казачьи авторы статей в „К. С.", проповедующие „единонеделимчество", не отдают себе отчета в логической развязке вопроса и безбожно путаются в элементарных понятиях. Особенно бросается в глаза это непонимание и затуманивание по прочтении передовицы в том же 21-м номере „К. С.", где говорится и об „общероссийском горе", к которому прибавляется у казаков еще и специально „казачье горе" — в казаке, как достойном гражданине и России и Казачества, и т. п. Спрашивается: что это за странная двойная любовь? Спрашиваем: сколько у вас патриотизмов? Ведь сами же вы сознаете, что Казачество и Россия не есть одно и то же, ибо подчеркиваете два рода любви, говоря о любви и к одному и к другому, как о любви к двум об'ектам. По вашему, значит, возможен какой то многострадный патриотизм — двойной, тройной и т. д.? К какому еще абсурду таким путем можно дойти? Неужели для вас непонятно, что чувство патриотизма, любовь к отечеству растет и расширяется — по концентрическим кругам — от самого близкого к более далекому, полному, совершенному, от „станичной колокольни", как вы говорите, ко всей Казачьей Земле? Но вам же, очевидно, самим понятно, что Россия начинается на границах Казачества; вы это сознаете, что Казачество и Россия не есть нечто единое, ибо сами же делаете разницу между казаком и орловским или саратовским мужиком... Должны бы сознавать и то, что русский мужик всегда „потеснял" казаков, а часто (как и теперь) и вытеснял их с их Родины. Помимо этого сознаете, что бытовым укладом, культурой и психикой казак отличается от русского мужика, потому и говорите как бы о двух родах любви — и к родному Казачеству и к отличной от него России. Если бы вы были уверены, что Казачество и Россия составляют нечто единое и нераздельное, что Казачество есть частица России, не более как колокольня для общерусской родины, то не упоминали бы сами о любви к этой колокольне-казачеству, как о любви к чему то отдельному, т. к. большая любовь всегда покрывает меньшую. Так бы уж и говорили о преданности и любви к одной России.

Если мы, вольные казаки, говорим, что „станичная колокольня“ есть все то же Казачество, атом Казачества, то мы уверены, что каждый казак, в случае необходимости, всегда пожертвует своей колокольней во имя блага всего Казачества, всей казачьей своей Земли — Казакии, — своей общей великой Родины. Спрашиваем вас: также и вы готовы пожертвовать во имя России всем Казачеством? — К чему же тогда разговоры о вашей тоже любви и к Казачеству? Или к чему тогда разговоры о любви к России? Где у вас логика? Одно из двух: или ваша любовь тоже и к Казачеству — лицемерие, или ваша любовь к России — абсурд. И что это за странная проповедь служения двум господам (Богу и Мамонне)?

Патриотизм истинный, как любовь, в схеме, концентрическая, естественна и понятна. Такую любовь проповедует В. К. Патриотизм же, как любовь параллельная, — искусственна и непонятна и тем, кто о ней говорит.

Но, идем далее. Если бы, скажем, у вас такая любовь и могла существовать, то мы еще спрашиваем: о любви к какой, собственно, России вы говорите? Какое реальное содержание вкладываете в это слово? Какую Россию вы любите — прошлую, настоящую или будущую? — царскую, демократическую или социалистическую?

Любовь к России бывшей царской, „процветавшей“ под монархическим скипетром, для вас самих ясно, надо оставить спокойно выдыхаться у неисправимых, доживающих свой век чудаков, для которых действительные, жизненные интересы Казачества никогда не были близки и понятны.

Режим России царской, рассматривавшей Казачество как низшее служилое сословие, „казачков“, обязанных только проливать кровь, расширяя владения государства да защищая власть его от своих же „русских граждан“, настолько хорошо известен всем сознательным казакам, что о „любви“ к России такого деспотического режима было бы даже смешным говорить. О такой любви и вы не говорите, ибо вред, принесенный Казачеству Россией царской вам хорошо известен.

Не менее хорошо должен бы вам быть известен и вред причиненный Казачеству Россией демократической, Россией Милюковых, Керенских, Черновых и прочих, строивших или проектировавших российскую великодержавную политику на „потеснении“ Казачества у него Дома и его самого считавших тоже не более, как служилым военным сословием, подлежащим использованию в этом отношении „до конца“ как против врага внешнего, так и против врага „внутреннего“. О жертвенной любви к такой России, которая под демократическим покрывалом повторяла по отношению к Казачеству приемы царского режима, было бы говорить весьма рискованным.

Значит, о „любви“ к одной из бывших Россий, царской или демократической, было бы мыслить вообще наивным, а говорить можно лишь с целью демагогической.

Так может быть, вы любите Россию настоящую — социалистическую, где большевики, как и вам великолепно известно, физически и духовно уничтожают Казачество? — Но, об этом, вообще, бросим говорить...

Тогда, все же, какую Россию вы любите, о любви к какой России говорите? Ведь надо же представлять себе тот об'ект своего чувства, о котором говорите, как о чем то реальном... Опыт показывает нам, что три реальные России — царская, демократическая и настоящая социалистическая, все и всегда враждебные Казачеству, претендовать на его любовь к себе не могут, да и права не имеют. Этого, пожалуй, особо и подробно доказывать не нужно. Несчастий на казачьи головы свалилось много, а времени, думаем, было достаточно, чтобы все это продумать, правильно осознать и оценить свое положение да кое чему, наконец, и научиться.

Или, быть может, вы любите какую то фантастическую, четвертую Россию, созданную вашим собственным воображением, в действительности еще не существовавшую? Сами вы должны понимать, что проповедывать и требовать от казаков любви к такой нереальной России есть полнейший абсурд. Три России в опыте исчерпали уже все виды государственно-политического управления и каждая из этих форм известна Казачеству, как ему враждебная.

Или верите в реставрацию России в одной из бывших уже форм? Но, не видите ли, что реставрировать ее собираются все те же „бывшие люди“ — царские генералы, разные „демократы“ и „социалисты“, правление которых уже достаточно тяготело над казачьей спиной? Или верите, что эти русские люди уже переродились или переродятся в будущем? Или верите, что появятся новые люди (или вы создадите их сами?!) и эти новые русские государственные мужи будут работать на благо Казачества? Где гарантии? Понимаете ли вы, что дело здесь вовсе не в людях, не в политических деятелях разной марки, не в том, какие люди поведут русский государственный корабль, а в том течении, по которому он, согласно историческим законам, имеет неизменную тенденцию плыть?

Кто бы не управлял Россией в будущем, во имя собственных стремлений и эгоистических государственных целей, этот большой, коллективный московский, орловский или саратовский „русский мужичок“ будет постоянно переть на „окраины“, эксплуатировать их экономически, обессиливать и уничтожать их культуру, самобытность, урезывать без конца их права, заставлять служить или „расказачивать“ (что найдет для себя выгодным) до тех мест или до тех пор, пока не упрется в границы сопротивления. Всякая „русская власть“ обязана будет лишь вести русского мужика по той линии, по которой он имеет естественную и неизменную силу стремиться.

Не ясно ли вам теперь, что для всех так называемых „окраин“, в том числе и Казачества, многовекового и трехформенного русского государственного опыта более, чем достаточно? Если говорит о своей любви к России русский человек, это вполне понятно, ибо он сам себя никогда не обидит и, как русский, при всякой форме правления всегда выиграет. Но как может говорить о нечем подобном казак, который во всех случаях может только проиграть?

Резюмируя все вышесказанное, еще раз спрашиваем: если вы и допускаете параллельную, одновременную и равноценную любовь и к Казачеству и к России, то какую Россию вы любите и советуете любить другим?

И еще спрашиваем: что вы любите в России: самый ли российский, вернее великорусский народ, или же весь этот международный и международный конгломерат, который до недавнего назывался Российской Империей, а ныне СССР? Вам же ведь известно, что все эти десятки народов держались и держатся центральной властью в ежевых рукавицах, но каждый из них уже вступил на путь своего национального возрождения и освобождения и все они ведут ныне на этом пути упорную борьбу со все той же Россией, именуемой ныне СССР?

Вы укоряете других в „потере чутья исторической действительности“ (передовица „К. С.“). Не было ли бы правильнее отнести это выражение в первую очередь к вам самим? Действительно, чувствуете-ли Вы знамение настоящего времени? Знаете ли, какие исторические и социальные процессы совершаются в нашу историческую эпоху? Посмотрите на современную политическую карту Европы. Сравните ее с картой, хотя бы довоенной. Не видите ли, как она изрезалась границами новых государств освободившихся народов? Не видите ли, не слышите, как падают, трещат и рассыпаются Империи? — Не это ли есть историческое знамение времени, — эпоха возрождения народов и огосударствления наций? Не общая ли это судьба и неизбежный закон упадка громоздких, многонациональных государственных образований, связанных централизмом? Так не вы ли это хотите повернуть колесо истории вспять или, по крайней мере, остановить действие исторического закона нашего времени хотя бы на границах России? Значит, когда, со времени французской революции, начали освобождаться народы, восстанавливаться или вновь твориться государства, как Голлан-

дия, Бельгия, Румыния, Сербия, Болгария, Греция, Норвегия, а в последнее время Чехословакия, Албания, Венгрия, — вам это было понятно. Распадение империй Турецкой и Австрийской вами приветствуется, а когда с неуловимой последовательностью действие этого закона обращается и на Россию, — вам вдруг становится он непонятным. И это называется вашим чутьем исторической действительности?!

Вы не видите, что этот великий исторический закон пробил уже брешь и в границах б. России. На западном рубеже ее уже встали: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша. Действует этот закон с неуклонной силой и далее на восток. Насильно, пока, и лишь на время сломлена самостоятельность Украины, Грузии, Азербейджана, Казачьих Земель. Распространяется он далее и далее по южным и восточным окраинам б. России, — пробуждается стремление к освобождению и самостоятельности у народов тюркских и монгольских. И этот закон, этот процесс с неослабеваемой силой будет продолжаться до полного своего завершения на территории б Р. Империи, как он почти уже завершился в Европе.

Итак, мы еще раз спрашиваем: что и кого вы любите в России — русского ли мужика или все эти стремящиеся к освобождению народы? Любите ли вы лишь великорусский народ или все народы? И ради чего и кого любите — ради них или ради себя самих? И во имя чего вы готовы бросить вновь в кровопролитие Казачество — не во благо ли одного коллективного русского мужика и ради его господства над всеми другими народами б. Империи? Продумано ли вами это, и глубоко ли продумано, и до конца ли?

Оканчиваем этот пункт вашими же словами из статьи „Необходимо сказать". Да, необходимо сказать, что вы... „перепутали чаяния и желания Казачества с чаяниями и желаниями „чужих полковников" (и генералов! добавим мы). На этом пути можно дойти только до предательства своего во имя чужого".

2. Об агентуре и иностранном инструкторе.

Относительно второго пункта „К. С.", с которым связываются такие слова, как „агент", „агентура генерального штаба" и прочие прелести, необходимо сказать, что в этой части утверждений „К. С." не более логики и не менее скверной демагогии, чем и в предыдущей. Опять та же путаница понятий, неточность определений, недостойная игра словами, не имеющими реального содержания.

Спрашиваем: по какому признаку определяется вами „агент" и „агентура иностранного государства"? Очевидно, по признаку „принятия денег", ибо стараетесь „обвинить" В. К. в том, что им издается журнал на деньги чужие. Достаточный ли это признак? Принимая этот критерий, вы должны были бы признать, что название „агента" и „агентуры" нужно, напр., отнести ко всем русским эмигрантским организациям, существующим и работающим на чужие деньги (за неимением собственных). Спрашиваем: чьи есть агенты Керенские, Милюковы, Черновы, Фальчиковы, Харламовы, и могие другие, имя же им легион? Да, наконец, чьими агентами являетесь и вы сами, на чьи деньги издаете свой „К. С." и кто ваши инструкторы? Еще: чьим был агентом Деникин, Врангель, Юденич, Колчак и все те русские, которые вели борьбу с чужой помощью и на чужие деньги? Чьим агентом был донской атаман ген. Краснов, бравший помощь от немцев, и почему не бросали тогда камнями в него донские казаки?

Или вы, может быть, понимаете, что не сами то деньги, или не всегда по крайней мере, определяют „агентов", а известная цель, к которой с помощью денег (или без них — „агент" может быть и бесплатным) стремятся. Может быть вам тоже понятно, что цель эта всегда должна быть чужая и агент обязан служить ей, пропагандировать ее, навязывать ее? — Если вы это понимаете и не лицемерите, то вам ясно, что подобное обвинение вы бессильны прилепить к В. К., ибо оно не пропагандирует и не навязывает никому чужих целей нигде — ни в своем печатном органе, ни иначе как не служит чужим интересам не распинается ни за чью идею чужого какого либо государства. В. К. стремится к осознанию своей собственной, казачьей цели; проповедует Казачеству Казачью Идею, казачью программу; служит не чужому, а своему родному и любовь к нему не навязывает, а вызывает. Нигде еще и никогда В. К. не предлагало Казачеству жертвовать собой ради интересов чужой державы и никогда не звало его служить кому либо другому, кроме как себе. В. К. не нуждается в чужих инструкторах, ибо единственным его императивом является внутреннее сознание своих собственных интересов и целей.

Не менее смешным и бессовестно демагогическим является ваше провокационное заявление о том, что редакция „В. К." переняла на себя „функции генштаба" какого то государства. Действительно, надо быть уже настолько наивным или нечестным, чтобы думать и утверждать, что может быть на свете какое либо государство настолько глупым, чтобы функции своего ген. штаба могло сверить чужим людям, да еще бессильным, везде бесправным и гонимым эмигрантам.

Вся деятельность В. К. основана исключительно на собственном интересе и собственных целях Казачества. Цели эти — освобождение и возрождение Казачества. Для борьбы за это освобождение В. К. ищет себе союзников, с которыми находит для себя возможным работать на основании общего и взаимного интереса и выгоды. Союз всегда диктуется общей выгодой. В этом логика борьбы. Таков закон истории.

3. О союзниках на Родине.

Относительно третьего пункта необходимо лишь кратко заметить, что понятие „союзник" предполагает и определяет хотя бы и приятеля, но человека все же чужого. В своей собственной среде, однородной в своих желаниях, стремлениях, надеждах и мыслях — „союзников" искать нечего. Не собирается потому В. К. искать каких то особенных союзников там, у себя дома, ибо Казачество везде едино. На нашей Родине — не чужие нам люди, а наши отцы, братья, дети — и мы с ними связаны не каким то внешним союзом, а мы и они — одна плоть, одна кровь, а сейчас еще больше — общие надежды, общие стремления, одна воля...

Это — тоже логика истории, закон жизни и борьбы.

Инж. **В. Бейсуг.**

Совхозы и колхозы.

II. Колхозы.

Если суть строительства совхозов, которым мы посветили начало нашего очерка, лежит в области технико-экономической рационализации сельско-хозяйственного производства, то строительство колхозов есть прежде всего проблема социальных отношений, разрешаемая в форме коллективизации казачьего и крестьянского хозяйства.

Как то недавно нам пришлось видеть злободневный советский фильм „Генеральная линия", идущий в СССР под названием „Старое и новое" и имеющий заданием пропагандировать строительство колхозов. Сюжет картины очень прост: крестьянка Марфа, представительница безинвентарных, безлошадных „бедняцких" хозяев, теряет последнюю корову, с помощью которой она пыталась вспахать свой клочек земли, тщетно пытается взять в займы лошадь у толстого кулака, пытается, наконец, сама запречься в соху и, доведенная до отчаяния бедностью и бессилием, восклицает „так жить больше нельзя!" Под этот лозунг собираются и другие „бедняки", вместе с которыми Марфа основы-

вает колхоз. Дальше идет история этого колхоза, после целого ряда неудач оканчивающаяся благоденствием членов колхоза; картина заканчивается видом трактора, который получила для колхоза Марфа, который близится, растет, за ним идут другие тракторы, заполняют весь горизонт, умножаются и с лозунгами „больше стали", „больше железа"! символизируют „победоносную" борьбу за землю в СССР. Хотя многие из достижений колхоза, проходящих на экране, и были известны „капиталистической" европейской публике уже десятки лет назад и без всяких колхозов (а казакам во всяком случае они давно известны), все же расчитанная на эффект постановка, столь свойственная советским, особенно пропагандным, фильмам, б'ет по нервам неразбирающихся зрителей. Трудно придумать больший „апофеоз" и показать колхозы европейской публике больше лицом, чем делает это описанная картина.

Знаем мы и изнанку товара: для этого стоит открыть отдел „вестей из дому" в любом эмигрантском журнале с описанием всех тех ужасов, которыми сопровождается коллективизация, хотя бы, напр., в наших Казачьих Землях. И несмотря на знание изнанки и лица этого „товара", мы думаем, что все же мало кто из наших читателей ответил бы на вопрос, что же такое колхоз? Кроме того, что „колхоз, это то самое, куда теперь большевики загоняют казаков и крестьян (на Украине), а они не хотят идти" — едва ли многие читатели смогли бы ответить больше. А между тем, знать это нужно, как и нужно знать, повторяем мы всегда настойчиво нашим читателям, по возможности все, что творится сейчас дома, если только мы хотим победить большевиков.

„Колхоз" есть сокращение слов „коллективное хозяйство"; под последним же в СССР понимается три довольно различных формы производительных об'единений сельско-хозяйственного характера: коммуны, артели и машинные товарищества (часто делят и так: коммуны, с.-хоз. артели и товарищества по совместной обработке земли). Из этих трех форм коммуны являются как бы наиболее „левыми", т. к. представляют те ячейки, построенные на базисе полного обобществления имущества, создание которых имеет своей конечной целью коммунизм. Машинные товарищества — это по существу уже образования характера не социалистического, но кооперативного, но только с той переделкой в социализм, с которой в СССР функционирует кооперация вообще. С.-хоз. артели — это форма серединная. Посколько массовый переход к коммунам признан теперь, как увидим ниже, преждевременным, вопрос актуально стоит гл. обр. о с.-хоз. артелях, строительство которых и составляет для большевиков боевую задачу дня. С этими артелями мы познакомим читателя на основании того последнего „примерного устава сельско-хозяйственной артели", который принят колхозцентром, одобрен народным комиссар. землед., и утвержден Совнаркомом СССР и Президиумом ЦИК: устав этот мало кому известен в эмиграции и дает тот голый фактический, об'ективный материал, который должен лечь в основу нашего суждения о колхозах и рассеять те иллюзии, которые навевают советские рекламы типа картины „Генеральная линия".

Первый параграф этого устава указывает цели и задачи артелей; процитируем его полностью: „Батраки, бедняки и середняки селений... района... округа... добровольно (?!) об'единяются в сельско-хозяйственную артель, чтобы общими средствами производства и общим организованным трудом построить крупное коллективное хозяйство и т. обр. обеспечить действительную и полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся, действительную и полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства и создать высокую производительность труда и товарность коллективного хозяйства".

Уже из этого первого параграфа видно, что колхозное строительство не есть мероприятие технического характера, направленное только к поднятию сельско-хозяйственного производства, но форма социальной борьбы с „кулаками". Как же должен колхоз вести эту борьбу? Устав дает нам ответ. Прежде всего производится генеральное изменение землеустройства. Все межи, разделяющие земельные наделы членов артели, уничтожаются; все участки сливаются в единый земельный массив, поступающий в коллективное пользование артели. В единоличном пользовании разрешается оставлять лишь земли приусадебные (огороды, сады и т. д.), при чем размеры их общее собрание артели может изменить. Составленный т. обр. земельный массив артели ни в коем случае уже не может уменьшаться: если член артели из артели выйдет, то земля ему назад не возвращается (хороша „добровольность"!), и претендовать он сможет лишь на „свободные земли госфонда".

Вместе с землей обобществляются и все средства с.-хоз. производства: рабочий скот, с.-хоз. инвентарь, семенные запасы, хозяйственные постройки, „необходимые для ведения артельного хозяйства", все предприятия по переработке и т. д. В индивидуальном владении остаются лишь жилые постройки, мелкий с.-хоз. инвентарь, необходимый для работ на приусадебных землях, одна корова (производители обобществляются всегда), домашняя птица, и свиньи и овцы, если только дело идет о свиноводстве и овцеводстве домашнего, не промышленного, характера.

В члены артели могут поступать „все трудящиеся", достигшие 16-летнего возраста. В артель, однако, не принимаются кулаки и все лица, лишенные избирательных прав. Из последних делается исключение для „членов тех семейств, в составе которых имеются преданные делу советской власти красные партизаны, красноармейцы и краснофлотцы, сельские учителя и учительницы при условии их поручительства за членов своей семьи". В категорию неприемлемых для артели относятся и лица, которые „перед вступлением в колхоз, убивают или продают свой скот, ликвидируют инвентарь или злонамеренно разбазаривают семена" (насколько, значит, подобные явления обычны, если о них приходится говорить в примерном уставе!). Каждый вступающий в артель должен внести денежный вступительный взнос в размере от 2 до 10% стоимости своего имущества, поступающий в неделимый фонд артели.

Организация работы в артели производится по правилам внутреннего распорядка, принятым общим собранием. Все работы производятся личным трудом членов артели; временный наем рабочих допускается или для строительных работ, или в исключительных случаях, когда срочные работы не могут быть выполнены в требуемый срок наличными силами членов артели. Кроме того, по найму могут работать в артели специалисты (агрономы, техники и т. д.). Распределяет все работы правление по правилам внутреннего распорядка, при чем никто из членов артели не имеет права отказаться от возлагаемой на него работы. Устанавливаются специальные нормы выработки и расценки по отдельным видам работ. Оплата труда — сдельная, при чем в течение хозяйственного года на руки выдается (деньгами или натурой) не более 50% заработка, остальное же лишь в конце года после окончательных расчетов. Из заработков членов артели на отхожих промыслах производится отчисление от 3 до 10% в фонды артели. Нетрудоспособные члены артели получают от артели помощь в размерах утвержденных общим собранием, но не свыше среднего заработка. За невыход на работу и „безхозяйственное и нерадивое отношение" к обобществленному имуществу правление налагает на провинившихся взыскания (выговоры, штрафы) и может поставить перед общим собранием вопрос об исключении из артели.

Делами артели управляют общие собрания (при многочисленности членов и при разбросанности входящих в колхоз селений оно может заменяться собранием уполномоченных) и правлением. Правление избирается на год. Оно заведует всеми делами артели, организует всю ее работу, ведет счетоводство. Деятельность правления протекает под контролем избираемой общим собранием ревизионной комиссии, которая должна особенное внимание обращать на выполнение производственного плана, соблюдение устава, обязательств перед государством и т. д.

Перед организованной т. обр. артелью устав ставит широкие задания расширять посевную площадь, использовать все средства производства, переходить на механизованное хозяйство, добиваться того, „чтобы в коллективном хозяйстве скот и инвентарь были в лучшем состоянии, чем в индивидуальных хозяйствах", повышать урожайность, „повышать культурно-политический уровень членов артели", „улучшать их бытовые условия" и т. д. Каждая артель должна по уставу входить обычно в более крупное колхозное об'единение. Под его руководством она должна вести свою работу и с ним заключать договор о контрактации, т. е. об „организации сельско-хоз. производства и плановой сдаче всей товарной продукции государству и кооперации" — с одной стороны, и о снабжении артели средствами производства и предметами потребления — с другой.

Вот та идеальная форма организации с.-хозяйства, которую советские строители дают в образцовом уставе колхоза. Если бы мы взяли примерный устав коммуны, то гл. отличием ее было бы обобществление полностью всех отраслей хозяйства входящих членов, всех средств производства, предприятий и даже быта.

Что можно сказать о сущности колхозов? Пожалуй одно: они весьма точно достигают основную цель, ставимую большевиками — превращения всех в рабочих. Как это отражается на с.-хоз. производстве, — об этом поговорим дальше. Сейчас же только предложим читателю задуматься над той глубокой разницей, которая лежит между понятием с.-хоз. р а б о ч е г о и сельского х о з я и н а. Может ли перспектива превращения в безответственного рабочего быть идеалом хозяина, самостоятельного, вкладывающего свою инициативу, свой труд в свое хозяйство, в свое дело ради своего интереса? Что является большим стимулом труда — личный интерес, и заинтересованность в процветании своего хозяйства под знаком которого проходило и идет развитие хозяйственной жизни человечества, или заработная плата, хотя бы и сдельная, на которую переводят большевики хозяев в колхозах? А между тем такого рода социальный сдвиг и происходит в колхозах.

В то время как правильная кооперативная организация является формой высшей, чем индивидуалистическое хозяйствование ибо она, сохраняя последнее, дополняет его возможностями, вытекающими из об'единения усилий, большевицкая колхозная форма с.-хозяйства, совершенно уничтожая всякие индивидуальные элементы, является шагом назад, разрушающим и отказывающимся от того, что достигнуто веками развития и что соответствует индивидуальной природе человека. У человека руки то с в о и, почему же результат работы этих рук должен быть о б о б щ е с т в л е н н ы й? Повидимому потому, что не всякие руки умеют хорошо работать. Равняться же по рукам неумелым, это значит идти не вперед, а назад.

Мы подошли к самой сути учения коммунистов и социалистов: к проблеме индивидуализма и коллективизма. Это тот вопрос, над которым ломали голову величайшие люди, глубочайшие мыслители и... никто друг друга никогда здесь ни в чем убедить не смог, каждый всегда оставался при своем мнении. Повидимому теоретически тут доказать ничего нельзя. Практически же — в этом и исторический смысл всего опыта „великой революции", давшей невиданную иллюстрацию к борьбе этих двух социальных начал.

Вот теперь и посмотрим, к чему привела на практике идея коллективизма, нашедшая себе форму в сельском хозяйстве в виде колхозов. Мы имеем в виду как опыт во всем СССР в целом, так и особенно большевицкий опыт с колхозным строительством в наших Казачьих Землях.

В дореволюционной России не было другого более „проклятого вопроса", чем вопрос земельный. „Проклятым" стал он и для большевиков, как только они попали к власти. Самым тяжелым он, наверное, будет и в будущем для любого из правительств на всей территории бывшей Империи. Если брать вопрос в масштабах всего СССР, то формулировать тяжелую проблему можно так: что делать с 25 милл. мелких и мельчайших карликовых хозяйств, раздробленных до крайних пределов и с ничтожной производительностью, не только не могущих служить базой задуманной по пятилетке индустриализации государства, но просто не могущих прокормить самих себя? Относительное место этой массы беспомощных хозяйств в с.-хоз. населении СССР вариирует от исторических условий, степени разоренности от гражданской войны и социальных условий данного географического района. Наименее, конечно, имеет значение это сельская беднота в условиях Казачьих Земель, с их сравнительным многоземельем и зажиточным населением. Всюду однако кадры деревенского пролетариата растут одновременнно с сильным ростом населения в СССР и еще более обостряют вопрос. Коммунистическая партия увидела решение в коллективизации сельского хозяйства. Прийди к этому большевики как к мероприятию техническому, оно, даже и при своей неправильности, нуждалось бы быть может в совершенно ином к себе отношении. Но на деле обстояло не так: для них это был просто этап для построения социализма. а деревенская беднота лишь элемент, с которого легко было начинать ликвидацию социальных форм индивидуальной частной собственности.

Если в других областях хоз. жизни большевики шли к социализму путем простой экспроприации и национализации, то по отношению к миллионным массам крестьян и казаков этот метод был явно неосуществим. Следуя заветам Ленина, оставалось создать в селе или станице такую обстановку при которой бы хлеборобы сами перешли на коллективистические методы и, пройдя сперва через низшие формы колхозов, перешли бы потом к „высшим" коммунам, завершающим построение социализма.

На основе полученных материальных рессурсов (помещичьи хозяйства и хутора) и на системе всяких льгот и привиллегий членам колхозов, началось колхозное строительство. Количество колхозов по годам все время менялось: 1921 г. — 15819, 23 г. — 11407, 26 г. — 15055, 1927 г. — 16671, 1928г. — 32506, 1929 г. — 38000.

С началом НЭП'а в колхозах начался распад, но сверху нажали, и число колхозов начало расти опять. И все же цифра 38000 была каплей в море сельских хозяйств СССР: посевная площадь колхозов составляла 1,7% от общей схоз. площади, а сбор зерновых — 1,5% всего валового сбора. Результаты строения социализма получались совершенно незаметные, тем более, что „низшие" формы колхозов (т. е. приближающиеся к кооперативным товариществам) в противоположность рассчетам коммунистов совсем не проявляли стремления переходить в „высшие формы" коммун, число которых оставалось ничтожным, а новые колхозы организовались исключительно в форме кооперативных артелей. Большевицкие планы сводились на нет. Нередко колхозниками оказывались те же „кулаки" похитрее, которые применялись к условиям и спасались в колхозах от податей и налогов.

Советская власть забила тревогу, и было от чего. Как известно, предусмотрительный Ленин своим НЭП'ом в общем создал такие условия экономической жизни, при которых сельское хозяйство СССР начало относительно поправляться; площадь засева росла, сборы увеличивались, приближаясь в некоторых местах уже к довоенным, но... одновременно подымал голову „кулак", иначе говоря то крепкое крестьянство, имея которое в низу, большевики не могли удержаться у власти.

Направленная на борьбу с „кулаком" экономическая политика, имевшая целью вырастить могучий размах колхозного строительства, приводила к печальным результатам. Ставимые во все более и более трудные условия „кулаки" сокращали производство, ибо хозяйничать становилось невыгодно. А в то же время колхозное производство не возмещало падения продукции: в колхозы шла беднота, которой терять было нечего, которая садилась на шею государству, получала кредиты, „переходила на паек" и в большинстве случаев ничего не делала. Колхозы распадались, строились вновь, состав их менялся, вместо карликовых хозяйств индивидуальных на сцену появились карликовые колхозы... Непрерывное падение с.-хоз. грозило сорвать всю пятилетку и рисовало в перспективе голод. Нужно было или

отступать, или давать генеральный бой до конца. Коммунисты знали, что отступать это значило подрезать сук, на котором они сидят. Бой был принят. Постановлением от 5 января 1930 г. Ц. К. В. К. П. решил перейти на т. наз. „сплошную коллективизацию“ и „замену крупного кулацкого производства крупным производством колхозов“, надеясь этим с одной стороны „ликвидировать кулака“, а с другой стороны поднять с.-хоз. продукцию страны. Практически это прежде всего означало перемену темпа колхозного строительства, намеченного пятилеткой. Началась фантастическая погоня за количеством колхозов. Колхозы создавались за несколько дней до весеннего сева без всякого производственного плана и даже обдуманного внутреннего договора. В колхозы буквально загоняли. Отделы самокритики в советских газетах дают великолепные иллюстрации такого колхозного строительства. Так в „Правде“ от 17/III 1930 г. читаем: „Кооперативный инструктор собирал крестьян и держал перед ними два списка: один — в Нарым, другой — в колхоз. Выбирай, куда душа желает“. В „Правде“ от 15/III-30 г. находим описание сценки на Сев. Кавказе: „... ударники на это отвечали: — Все равно запишем. Отберем землю и запишем. Кто в колхоз, тот за советскую власть, кто нет, тот против соввласти“ и т. д. и т. д. И колхозы росли, как грибы. Были дни, когда по официальным отчетам в 1 день в СССР организовывалось 2810 колхозов(!) и об'единялось 362.000 хозяйств! Что в сравнении с этим темп пятилетки! Ведь по пятилетнему плану удельный вес обобществленного сектора по посевной площади должен был составлять, напр., в наших Землях лишь 45%, по валовой продукции — 39%. По животноводству к концу пятилетия удельный вес обобществленного сектора должен был составлять по Сев.-Кавказскому Краю лишь 5,5%. Да и вообще обобществление по пятилетке не противоставлялось росту индивидуальных хозяйств, а мыслилось как иной путь даже содействия и поднятия их, „являясь примером преимущества крупного хозяйства и организатором содействия коллективизации распыленных крестьянских хозяйств“.

Если в качестве мероприятия технико-экономического коллективизация должна была бы, казалось, иметь место в первую голову в малоземельных районах Центральной России, то как социальное наступление на „кулака“ она ударила в числе первых по нашим Казачьим Землям. В том же постановлении ЦК'а от 5/I 30 г. читаем: „коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Сев. Кавказ может быть в основном закончена осенью 1930 г., или во всяком случае весной 1931 г.“ На местном с'езде сплошной коллективизации на Сев. Кавказе в начале января было уже об'явлено об „об'единении в колхозах 40% крестьянских дворов“. В „Известиях“ от 9/I 30 г. читаем, что почти каждый округ Сев. Кавказа имеет по 2-3 района коллективизированных на 60%. В Нижневолжском Крае к 1 окт. 1929 г. в колхозах было 16% крестьянского населения, а на 1/I 30 г. уже 72%! Там же должна была быть в начале января „оформлена сплошная коллективизация Хоперского, Балашовского, Пугачевского и Аткарского округов“. Наступление шло во всю. 16 января властям союзных республик было предложено внести в уголовный кодекс дополнения о наказании „за хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хоз. и воспрепятствовании его под'ема“ (заключение до 2-х лет и высылка). Коллективизация превратилась в настоящую физическую борьбу. Ссылаясь на донесения, напр. с Кубани, Яковлев докладывал (Известия от 24/I и Правда от 19 и 20/I 1930 г.), что „озверевшие кулаки, лишенные самых устоев своего существования, идут на убийство и поджоги. В таких случаях вступает в действие суд, беспощадно расправляющийся с виновниками кулацкого террора“.

Все это привело к тому, что в Сев. Кавк. Крае 76,8% хозяйств было загнано в колхозы, % обобществленного рабочего скота дошел до 92%, число колхозов — до 4,3 тыс. На Нижней Волге колхозы охватили 67,8% хозяйств. Своей решительной и поспешной „работой“ местные органы превзошли все ожидания центра, не успевавшего вырабатывать планы и инструкции.

Но... чем ближе приближалась весенняя посевная кампания, тем зловещее становились признаки, что победоносное наступление грозит перейти в катострофу. На совещании ВСНХ всего СССР в конце января было признано, что в отношение сева положение создалось явно угрожающее и грозит „срыв всей весенней кампании“. Организация колхозов шла с такой быстротой, что колхозники часто не знали, где начинается и где кончается обобществленная земля, семян не хватало, количество инвентаря было недостаточно. Единоличные хозяйства были разгромлены, а общественные — созданы лишь на бумаге. Кому же было сеять?

Проиграть весеннюю кампанию, это значило ожидать голод. Вся советская пресса закипела тревожными сообщениями, во всех органах забили тревогу, то с призывом к „ударным засевам“, то уже с заигрыванием с „раскулаченными“ в надежде, что может быть они вывезут, если еще не поздно. Началась бешенная самокритика. Из Москвы прозвучал голос отбоя Сталина. Его статья „Головокружение от успехов“ была сенсацией и положила начало новому курсу политики.

В виду исключительной важности, которое играет выступление Сталина, скажем несколько слов об этой статье. Сталин начинает с констатирования успехов колхозного движения, к 20 февраля давшему перевыполнение всего пятилетнего плана вдвое. Теперь нужно „закрепиться“. Но успехи, даваясь „легко, в порядке, так сказать, неожиданности“, имеют теневую сторону, прививая дух самомнения и „зазнавайства“. Задача, мол, партии повести борьбу с этим зазнавайством „нам все нипочем!“ И вот тут то Сталин и обрушивается на своих верноподанных исполнителей „сплошной коллективизации.“ — ... „Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно“... „Такая политика одним ударом развенчала бы идею коллективизации“ ... „Надо тщательно учитывать разнообразие условий в различных районах СССР“... „Подготовительную работу по организации колхозов стараются нередко подменить чиновничьим декретированием колхозного движения, бумажными резолюциями о росте колхозов“...„Имеются попытки выскочить за рамки артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже обобществляют жилые постройки“... „Спрашивается, кому нужна эта головотяпная работа“?.. „Дразнить крестьянина-колхозника обобществлением жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы; разве не ясно, что такая политика может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам“? ...„Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, революционерах, которые дело организации артели начинают со снятия колоколов. Снять колокола, — подумаешь какая р е в о л ю ц и о н н о с т ь!.. Как могли возникнуть в нашей среде эти головотяпские упражнения по части обобществления, эти смехотворные попытки перепрыгнуть через самих себя?..“

Если и у нас подобные слова Сталина, подтверждающие все безобразие и ужас практики колхозного „строительства“ вызывают недоумение, то можно себе представить, какой сумбур произвел Сталин своей статьей в головах своих верноподданных! „Как, слышим мы от них (Известия от 18 и 20/III 30 г.), коллективизация на основе добровольности? Да это же развалит колхозы, если крестьяне узнают о том, что идут в колхозы добровольно?“ И действительно хаос советского схозяйства дошел до максимума хаотичности. Начался массовый отлив из колхозов, доходящий в наших Землях до 1/3 завербованных, а за ним... вторичное „добровольное“ поступление в колхоз, уже окончательно спутывающее все карты и планы! Положение выходящих голыми-босыми из колхозов земледельцев оказывалось настолько трагичным, что они предпочитали возвращаться назад в колхоз, тем более, что новые льготы для колхозников сыпятся, как из рога изобилия.

Воцарившаяся неразбериха не дает совершенно разбираться, что происходит сейчас с колхозами в СССР

Сами большевицкие возглавители сознаются, что вожжи выскочили у них из руки и они ждут, положившись на волю судьбы, что из этого выйдет.

Такова в кратце история колхозного движения к сегоднешнему дню. Исчерпывается ли этим проблема колхозов? Конечно, нет. Как бы не разумны казались слова Сталина, они прежде всего являются просто дипломатическим реверансом в сторону разбудораженной земледельческой массы и сваливанием вины на исполнителей. От колхозного строительства Сталин не отступает, как не может отступить коммунистическая власть вообще, ибо это бы значило отказ от своей программы. В результате последнего эксперимента большевики могут потерпеть или просто конечную физическую катастрофу, или перейти на более систематичную осторожную работу, но о т к а з — исключается.

Не снимается последним экспериментом с повестки дня вопрос о колхозах и как мероприятие организованно-техническое: если связанные с малоземельем и исключительной беднотой чисто русские формы коллективного хозяйства оставались до сего времени глубоко чуждыми сельскому хозяйству Казачьих Земель, несмотря на все элементы казачьей „общинности", то то разорение, которое принесли теперь большевики, быть может заставит и нас в будущем волей-неволей сделать какой-то сдвиг в сторону широкой кооперации, с оставлением, конечно, права частной собственности и индивидуального интереса на тех их незыблемых началах, на которых оставляет их подлинная кооперация, а не социалистическое строительство гнилых колхозов.

В. П. Елисеев (*В. Петров*).

„Две ошибки".

(По „Очеркам Истории Казачества": „Родимый Край" № 3 (13)).

„Две ошибки" Петра I, которому русский народ в знак своей горячей к нему признательности, как символу русской национальной гордости, в знак своей полнейшей с ним солидарности в великих его деяниях на возвеличение России преподнес титулы: „Великий", „Император". Русские историки зафиксировали личность Петра I „преобразователем России", а русские поэты и писатели под вдохновением неутомимой („гениальной") Петровой энергии — один только Бог знает — как не величали этого „вечного тронного работника". — „То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник"...

Было, так сказать, отчего возгореться музе русских поэтов... Чувствовали все, что у Петра Алексеевича „широкая натура" (настоящая — „русская"). Не подведет. Будь покоен... И надо отдать заслуженную справедливость. Петр Алексеевич „не подводил" до самых тех пор, пока не простудился и не свалился в постель. Он даже ни на миг не задумался прикончить родного своего сына... Тиран, деспот?.. — Как не так... Ему, „гению", все посчиталось на плюс, на славу. — „Так надо было". Иначе бы он не был признан „преобразователем России"...

Не был бы Петр Алексеевич и „Великим", если бы не занимался такими делами, как подвешеванием десятков тысяч казаков. Знал он определенно, что он делает и что от него требуется делать. Русские „определенные задачи" (даже по „Очеркам Истории Казачества") его на все это толкали...

Русским народом, с своей стороны, занумерована, зашнурована и русской государственной печатью припечатана „великая гениальность" этого, прославившего себя и Россию, монарха. — Все в порядке.

Но надобно ж было через столько лет „беде случиться?.." Родившийся вне Великой России, доморощеный автор „Очерков Истории Казачества", вопреки своему рабскому благоговению перед Великим Императором, вопреки своей „русской воле", „верной преданности и любви к своей „Великой Матери России", „услужил" и ей и ее бывшему Императору... Да еще как „услужил". Взял да и посчитал „определенные задачи" Петра ему в „ошибки" (а все лишь потому, что „историк" хотел выразиться как-нибудь помягче... А п р а в д у с к а з а т ь, конечно, н е в и н т е р е с а х „историка...").

Так вот — о „двух ошибках..."

Про „первую ошибку" Петра автор „Очерков Истории Казачества", полк. Короченцев говорит: „Повторена была ошибка (разговор идет об отказе казаков выдать Петру беглых В. Е.), совершенная в свое время Борисом Годуновым. Казачество недоумевало (? В. Е.). Понятно было, когда это сделал Годунов, который в понятии казаков не был природным государем (какое слащавое подчеркивание! В. Е.); татарский мурза, „басурманин" — от него (де-скать! В. Е.) всего можно было ожидать. Но государь Петр Алексеевич (не иначе, как по имени и отчеству — для большого восторга. В. Е.) — природный Русский Царь (шутка ли? В. Е.)?! В верном (? В. Е.) казачьем сердце не укладывалось представление возможности нарушения царского слова" (какая уверенность! В. Е.)...

Не кажется ли вам, что автор „Очерков Истории Казачества" похож на впечатлительного гимназиста, декламирующего сочиненные им любовные стихи предмету своей страсти еще глупенькой, как овечка, гимназистке, онемевшей от незнакомого ей восторга. Нам кажется, что похож... Ибо „природный Русский Царь", Петр Алексеевич, вопреки „смущению" и „недоумению" казачества, преследовал „определенную задачу" (Не „ошибку", г. Короченцев, а „задачу"). Он твердо и определенно начал осуществлять нежелаемую казачеству перепись беглых, укрывшихся на Дону от крутой руки тяжелого „гения".

„Знаменитая фраза" казачества „с Дона выдачи нет" для Петра Алексеевича была простым звуком. Самодура Гордея Торцова она только еще более ожесточила. Кто этот смельчак, что дерзает идти против „ндрава" Гордея Торцова? Тем более, что „торцовский ндрав" есть „ндрав рассейский". А потому проучить ослушников! — 1000 им стрельцов с самым наглым беззаконником, развратным пьяницей и распутным растлителем патриархальнаго семейного казачьего очага, казачьей „святыни" (как говорит и сам автор „Очерков Истории Казачества")... — „Не противься моему (торцовскому) ндраву!.."

Вот эта „первая ошибка" Петра, которую он допустил — по понятию автора „Очерков Истории Казачества" — к „недоумевавшим" донским казакам...

„Вторая ошибка..." Несмотря на все „грамоты" и „отписки" Булавина, несмотря на все его заверения, что он восстал только против „худых людей, и князей, и бояр, и немцев" (но не против „благочестивого царя"), Петр, выслав на Дон 20 тысяч войск, все же приказал уничтожить „по Хопру до Бузулука, по Медведице — до Усть-Медведицкой ст., по Бузулуку все, по Айдару все, по Деркулу — все, по Калитвам и другим задонским рекам — все!.." Словом, все все и все!..

К этой, ко „второй ошибке" Петра автор „Очерков Истории Казачества", правда, более снисходителен. Вернее, он ее („ошибку" эту) даже и не усматривает в том, что 10 тысяч казаков „позорно" болтались на виселицах, а оставшиеся в живых обезумевали от страха освещенных факелами страшных плотов, а он только немного возмущается тем, что во главе этих 20 тысяч Петр поставил (по „ошибке?") родного брата Юрия Долгорукого, убитого казаками в „первую ошибку" князя Василия Долгорукого. Полк. Короченцев говорит: — „Петр совершил новую ошибку: власть может карать, но не должна мстить (подумаешь, какое разграничение... Карай, мол, сколько влезет — „в назидание остальным", — но мстить не моги!.. В. Е.).

Вот какие „ошибки" Петра усмотрел автор „Очерков Истории Казачества". Как видно, трудно писать этому автору свою „историю" да еще „казачию". Труд-

но, не так потому, что этот „историк“ — доморощенный, но трудно больше потому, что он крепко, назойливо держится „истории русской“. А потому из его „Очерков“ и выходит не „история“, а „история в истории...“ Напиши ты ее, эту „историю“, когда пишешь, пишешь и допишешься до такого исторического „скандального тупика“, как, напр., Булавинское восстание... Обойти молчанием нельзя — „история“, ведь, пишется. Загребай все, что попадается под руку. Обязан. А начни загребать, пойдешь против „рассейской верности“. — „Тупик...“ Ну, и принужден писать и „туда“ и „сюда“, а если, паче чаяния, все-таки угораздишь в „самый тупик“, то взвивайся сизым голубем прямо в поднебесье. — „Ошибка“, мол... Имеющие уши да слышат!.. — „Ошибка“, а не преступление!.. Потому и выходит, что казак Кондратий Афанасьевич Булавин, (и, конечно, само Казачество), хотя был человек и „честный“, „в корне пресекавший всякого рода бесчинства“, не молчавший и не спускавший „худым людям“ „за их злое дело“ (по „казачьей истории“), все-таки в разгромлении Дона Петром был „косвенно виноват“, а потому — де он и не стал уходить от „карающей совести“, а искупил „свою вину“ самоубийством (по „русской истории“). Когда же писание доходит до „голубиного взлета“, тогда (да простит автору „Очер. Ист. Каз.“ и Бог и русский народ!) принимаем русские „определенные задачи“ за... „ошибки...“ — Трусость? Историческая неряшливость? Или уж такая вероломная гордость считать себя „верным и свободным (? В. Е.) сыном Великой Матери России?..“ Или здесь просто-напросто — „опасная услужливость“ „казачьего историка“ „своей Матери России?..“

А что „услужил“ автор „Очерков Истории Казачества“ „своей Матери России“, то „услужил“. До самого пересола...

В самом деле, отберите от Петра подобные „ошибки“ и вы увидите, что без этих „ошибок“ Петр Великий станет совсем Петром Маленьким. Ведь только „ошибки“-то (русский народ их называет „определенными задачами“) и сделали Петра и Великим, и Императором, и гением, и завоевателем, и преобразователем... Они-то (эти „ошибки“ и Россию возвеличили (а, к слову сказать, Казачество уничтожили)... Не думаем, что автора „Очерков Истории Казачества“ погладит „русская история“ (про „казачью историю“ уж нечего говорить) по головке. Нельзя же доказанный (?), подшитый, заштемпелеванный русский исторический фундамент считать „ошибочным“. „Гениальные дела“ считать „ошибочными...“ Укор делать. Хотя „ошибочный“, (мягкий, так сказать) но все же укор...

А что было с Евгением из того же „Медного Всадника?..“ Как он, бедняк, метался, будучи преследуем скрежетавшим от злобы „Медным Всадником“. Не мог и помыслить!.. Покаяние, пока не поздно, г. автор. Покаяние... Ибо не Петр согрешил, „ошибся“, а вам и в голову не придет, что „ошиблись“ — то... вы... И все лишь потому, что уж слишком „верны“ ей — „Матери России“. От чрезмерной ей преданности пересолили...

— Умри, Денис, или не пиши больше. — „Ошибочней“ ничего не напишешь...

Ис. Быкадоров.

К вопросу о казачьем поселении на землю.

(*Исторические предпосылки*).

Две стихии: море и степь с судоходными реками были исторической средой Казачества. Колыбель Казачества — Казакия прилегает к 2 морям — Азовскому и Каспийскому; через нее протекают низовья р. Дона и Волги, составлявшие на заре образования казачьей народности мировой торговый путь из Европы в Азию.

После тяжелых исторических ударов Казачество, эмигрировавшее из пределов Казакии, в первой половине XVI возвращается снова в ее пределы и образовывается 2 ядра: Донское Низовое Войско в низовьи Дона, в непосредственной близости от устья его, в соседстве турецкой твердыни г. Азова, и Донское Верховое Войско — в средней части Дона и по р. Волге, близ Волго-Донской переволоки. Реки являются путями сообщения и источниками существования Казачества; таковыми же являются для него и моря. Водная артерия, р. Дон, связала два Донских Войска в одно — в Великое Войско Донское.

Независимо от этого, самобытно возникло, родственное по своему происхождению Донскому, Запорожское Войско, со станом своим — Сечью — на судоходной реке Днепре, обеспечивавшей путь и деятельность запорожцев на Черном море. Реки и море имели исключительное значение не только при образовании Казачьих республик, но и при дальнейшем существовании их.

В конце 70-х годов XVI в. началась колонизация Казачеством соседних степных просторов, образование колоний Донского Войска. Ушла дружина с Ермаком Тимофеичем, дружина на р. Самару, оседание их на реках способствовало сохранению их как особых народных организмов, но удаленность от моря была, безусловно, одной из главных причин потери ими самостоятельности, превращения их из вольных, в служилых, городовых казаков.

Дружины же ушедшие на р. Яик и Терек, осевшие близ моря, образовали новые республики — колонии Донского: Яицкое и Терско-Гребенское Войска.

Борьба за свободный выход в Азовское, а через него в Черное море является руководящим жизненным императивом не только за все время независимого государственного бытия Донской республики (до 1673 г.), но и позже по принятии государственной унии с Московским государством и по включении Войска в состав Российской империи.

Причины этой борьбы были различны, но искание освобождения от экономической зависимости от Московского государства, искание экономической свободы было причиной главной. Эта задача не была разрешена по причинам, на которых здесь не будем останавливаться, но это обстоятельство послужило главной причиной потери государственной независимости Донской республикой (Войском).

Водная артерия, прорезывающая северную часть Казакии — р. Дон — определила, с рядом других условий, своеобразное размещение и населенных пунктов (городков) — все они без исключения, (а к концу XVII века их было свыше ста в Донском Войске) были расположены в долине р. Дона и по его притокам — С. Донцу, Иловле, Хопру с Бузулуком, Медведице. Такое же было размещение городков по рекам в Яицком и Терском Войсках.

Близость моря и речные пути к ним, способствовали сохранению республик (Войск) в виде особых организмов и после потери независимости.

И обратно, удаленность, отрезанность Запорожского Войска от моря, если и не было главной причиной, то способствовала потере им самостоятельности и разгрому его при Екатерине II. Спасая свою самобытность, Запорожское Войско тянется к морю, к устью Дуная. Ряд причин препятствуют закреплению и развитию его там. В конечном итоге, Запорожское Войско переселяется на Кубань и благодаря оседанию вблизи Азовского и Черного моря, наряду с другими условиями, сохраняется в виде особого народного организма до сего времени.

Земледелие в Донском Войске, а также скотоводство и коневодство в широком размере стали развиваться лишь с начала XVIII в., а в начале последней четверти того же столетия Донское Войско не только

удовлетворяло свою потребность, но и отправляло избыток хлеба заграницу. В записках ученого путешественника иностранца Палласа находим указание на то, что самый лучший пшеничный хлеб выпекается на Дону.

Кубань (черноморцы и линейцы) к концу прошлого века, спустя всего сто лет после оселения, а после прекращения постоянной войны и военного положения всего через полстолетия достигла исключительного культурного и экономического развития чисто в американском масштабе; без моря и без путей к нему это было бы недостижимо.

В нашу тему не входит трактовка вопроса о значении моря и судоходных рек в жизни народа, вообще мы дали лишь краткую справку для уяснения исторического явления — море, степь и судоходные реки исторически были стихией, средой в которой образовались и развивались казачьи организмы.

При современном разрешении вопроса о переселении казаков на землю, указанные исторические данные необходимо поставить в основу при выборе страны и района для поселения казачьей колонии.

Поселение в Перу, помимо других условий, было бы с этой точки зрения колоссальной ошибкой. Район поселения в Перу удален на сотни верст от моря, отдален от моря высокими горами, а при отсутствии к тому еще судоходной реки исключается возможность благоприятного существования казачьей колонии и ее развития.

Благоприятными и возможными районами для образования казачьей колонии представляется северная Мексика на берегу Мексиканского залива, Техас (в Соед. Шт.) на судоходных реках, впадающих в море и много районов в Австралии и на островах ее. Кроме экономических условий, из которых главным является, что при поселении у моря или на судоходной реке представляется свобода товарообмена и большая независимость от внутренних рынков страны, по историческому опыту знаем, что только оседание вблизи моря, или на судоходной реке даст возможность казачьей колонии сохранение ее как особого народного организма.

Следующим вопросом является форма существования и народохозяйственной деятельности будущей казачьей колонии. Раз вопрос идет о сохранении казачьей самобытности, то едва ли могут быть приняты нормы иные, как только привычные всему Казачеству, при которых оно развивалось т. е. общинно (кооперативно) — индивидуальные, но об этом в другой раз.

Санжа Балыков.

Нечто о колониальной политике.

(*Окончание*).

Интересно провести хоть краткую параллель между экономическим положением и состоянием культурного развития национальностей, входящих в состав Британской империи, и таковыми же, находящимися в составе Росссийской. В то время, как во всех Английских колониях колонизованные народы имеют возможность жить фактически свободной национальной жизнью, получают образование на своем языке, развивают этот язык, а общественная жизнь их достигла нормальных форм, экономическое благосостояние с каждым годом растет, а сами колонизованные народы в большинстве случаев из состояния вымирания переходят в стадию прироста, у народов же, колонизованных Россией, заботы о которых по совместности расселения значительно облегчаются, наблюдается полная противоположность. Ведь ни для кого не секрет, в каком ужасном состоянии находятся все, так называемые, „инородцы", входящие в состав населения России, независимо от вида и характера власти в ней.

Например, дикие и свирепые маори, ко времени колонизации Новой Зеландии англичанами находившиеся в состоянии людоедства, скальпирования и употребления стрел и томогавка, в настоящее время настолько уже цивилизованы англичанами, что выбирают из своей среды равное число с англичанами депутатов в Ново-Зеландский парламент, а когда в 1893 году были даны политические права женщинам Новой Зеландии, то эти права были распространены и на женщин маори. При чем, все эти права не пустая форма, а они полны действительного содержания, так как заботами англичан эти маори имеют возможность получать и получают у себя современное европейское образование. В этом отношении возможности у них несравненно большие, чем у населения многих губерний России, не говоря уже об инородцах.

В России же, как помнится, инородцы могли только спокойно вымирать, бессовестно эксплуатироваться, спаиваться водкой русскими купцами, заражаться всякими, дотоле неведомыми болезнями без средств борьбы с ними, под давлением русских терять свои лучшие земли и, вдобавок, беззастенчивая, оскорбительная для всякого национального самочувствия упорная попытка руссификации этих народов, отвратительная политическая работа миссионеров под покровительством власти и ни одного разумного мероприятия в пользу этих народностей. Вот первые подвернувшиеся примеры: в 1897 г. тунгусов было 66270 душ, в 1926 г. — 29173, при чем, на своем языке говорят только 19825. Манджуров в в 1897 г. было 3394, а ныне только 22 человека!

Если познакомиться с историей и современным положением калмыков, с их ценными услугами России в прошлом, с их былым гражданским чувством к России, как к своей настоящей родине, но все же от притеснений и посягательств на национальное бытие со стороны русской власти принужденных бежать в Китай и гибнуть, если познакомиться с прошлым и настоящим положением киргизов, башкир, с их тихой и упорной, а подчас кровавой борьбой за свою хотя бы относительную национальную свободу, за свою религию, за что русские десятками тысяч расстреливали их, резали носы, уши, крестили, высылали в центральные губернии и, в конце концов, почти на половину уменьшили их, мы еще больше убедимся в правильности определения русской колониальной политики. О десятках же народностей Сибири, буквально вымирающих от отсталости, бедности, от алкоголя, сифилса и эксплуатации и говорить не стоит. Там дело уже сделано и надежды на спасение и улучшение нет. А русская ура-патриотическая общественность не только не чувствует свое преступление перед этими народами, но еще требует от них патриотизма и любви к России и, возмущаясь националистическими стремлениями некоторых из этих инородцев, перекликаются (Руль и Возрождение), что „надо взять на мушку этих самостийников"...

Она до сих пор не может усвоить то, что для того, чтобы инородец дорожил связью с Россией, она должна была бы позаботиться о предоставлении ему сносной жизни, дать ему возможность развивать свою национальную культуру, приобщаться к темпу современной жизни, одним словом дать ему то, чем бы он мог дорожить и ценить в совместной жизни с протектором.

В принципе, конечно, ничего нельзя иметь против стремления к самостоятельности многомиллионного индусского народа, но мой опыт личного наблюдения над состоянием сознания у представителей индусской народной массы, зная силу влияния на них религиозных и кастовых различий, непозволяющей индусам разных племен подходить друг к другу в буквальном смысле этого слова и вспоминая одновременно, как умело и заботливо относятся англичане ко всем многочисленным требованиям религии и обычаев этих различных индусских племен и каст, я на вопрос индусского освобождения смотрю очень пессимистически.

„Мы еще не единый индусский народ, а множество

народов живущих в Индии и часто враждующих, не понимающих общность интересов; многие из нас скорее откровенно поговорят с иностранцем, чем между собой, в этом наша роковая слабость" — приблизительно так часто мне говаривал мой друг Кала́-Хан. При чем этот умный от природы и толковый индус дико вскрикнул, когда я при нем протянул было руку одному парию, уборщику полковых клозетов. Кроме того он был в полной уверенности, что большевики это — магометане, их „брадеры", которые придут и освободят их от чужой зависимости, а когда я растолковал ему, кто такие большевики, то он печально сказал, что если им не обойтись без хозяина европейца, то лучше англичан хозяина не сыскать.

А англичане в своих заботах действительно доходили до курьезов. Например, полк имеющий в своем составе четыре роты из разных племен и каст имел и четыре вида рациона. Одни ели исключительно козлятину, другие только говядину, одни ели хлеб, другие только пресные пышки-„чупаты" с перцем и горохом; одни курили, но не пили, другие наоборот; одним на праздниках нужно было сжигать целые горы дров, облитых керосином и целую ночь проводить в пляске вокруг костра; для иных нужно было два раза в год выписывать начетчика из Индии; одни носили длинные до плеч или поясницы волосы и шапку без верха, другие носили шапку с пирамидкой наверху; одни любили ходить в лагере нагими и шесть раз в день мыться, а иным и мазаться маслом, — все это строго англичанами соблюдалось и индусам предоставлялась полная возможность выполнения всех своих обычаев и законов. Само собой разумеется, что в полку было и четыре молельных места, четыре храма-палатки для последователей каждой секты. Мало этого, такая предупредительность к чужим обрядам и обычаям распространялась и на нас, калмыков, что было ново, ибо в русской армии мы знали только пренебрежение и насмешку не только над своими обычаями, но и просто над своей физиономией и языком. (Это утверждение не касается казачьих частей, где мы, нужно отдать справедливость, пользовались хоть некоторым уважением наших законов и обычаев, что и является одним из факторов привязавших калмыков к казакам).

Кстати надо сказать, что несмотря на все эти заботы по уважению чужой религии и обычаев, дисциплина в Английской армии высокая, но дисциплина целесообразная и разумная, а не бессмысленный „цук", „разнос" мордобой, вечная борьба за отдание чести, „с кем разговариваешь!?" и т. д. Невольно вспоминаются те тысячи лишних и ненужных для дела унижений и оскорблений, которым подвергались инородцы в частях Российской армии иногда только из за недостаточного знакомства с русским языком. Англичане предпочитают научить индусскому языку десяток своих офицеров, чем учить английскому тысячи индусов. В индусских частях не только солдаты, но даже большинство „джемодаров и субидаров", не говоря уже о „гавильдарах", не знают по английски. Обращение с солдатами в английской армии в высшей степени корректное и вежливое. За два года я не слышал ни одного громкого выкрика со стороны офицера к солдату, точно также, как не мог увидеть ни одного пьяного офицера, несмотря на внимательное наблюдение. Вероятно они пьют (кантины полны виски и джина) но, видимо, умеют пить. Английский офицер сух и высокомерен, но среди них не может быть ни Куприновских Шульговичей, ни Замятинских Азанчеевых.

Так, на основании собственного наблюдения, я пришел к убеждению, что еще долго придется работать индусам над самими собой, много еще придется работать Ганди и его последователям, прежде чем они обработают индусский народ, прежде чем вдолбят в голову индусов, что все и все они — сыны единой страны, с единым жизненным интересом, с единой судьбой и что спасение — в преодолении взаимных религиозных и кастовых нетерпимостей. Без этого освободительное движение обречено на неудачу. Пока такого единения и преодоления племенной розни нет, Гандистское движение есть не что иное, как один из отдаленных этапов на путях к освобождению, но ни в коем случае не конун настоящего освобождения. Тем более надо иметь ввиду, что английская колониальная политика во всех подобных случаях народных вспышек, исходя из того, что они должны вызываться тем или иным неудовлетворительным положением, всегда ищет, находит и по возможности устраняет эти причины, в смысле удовлетворения справедливых требований нации. И я совершенно уверен, что на другой же день по успокоении Индии англичане сделают ту или иную реформу и надолго удовлетворят индусов. В этом цена и значение Гандистского движения.

***

В конце мне хочется сказать, что трудности, сопровождающие колонизацию казаками земли в республике Перу, где навстречу колонистам есть доброжелательное отношение государства, где исключена возможность голодной смерти, где на случай эпидемии можно надеяться на медицинскую помощь, не так уж и страшны, чтобы у желающих сесть на землю отбилась всякая охота это делать. Важно, по моему, для казачьей эмиграции решить для себя один из двух вопросов: можем ли мы, казаки и калмыки, дальше пребывать в условиях теперешней жизни в Европе, в условиях расбросанного состояния, кормясь фабрично-заводским трудом, и с'умеем ли мы при таком положении сохранить свое национальное лицо, или же такое положение угрожает нам в дальнейшем растворением в чужой массе, постепенным исчезновением и, поэтому, мы должны искать путей и возможностей массового устройства на землю, т. е. попытаться вернуться хоть и к скромной, но привычной, станичной, земледельческой атмосфере, которая прочнее всего обеспечит за нами сохранение нашего национального лица и которая даст возможность материально окрепнуть и потому, в будущем, даст нам возможность более продуктивно помогать делу освобождения своей настоящей родины-Казакии.

Коль скоро организованная часть Казачества признает второе положение соответствующим обстановке, то первоначальные трудности, связанные с устройством, — второстепенный, во всяком случае, преодолимый вопрос. Меня, лично, некоторые неудачи первой партии казаков в Перу нисколько не обезкураживают. Для этого достаточно, раз и навсегда, сознаться, что если сотни лет тому назад, при наличии и обилии свободных земель, колонизации их сопровождались трудностями, то теперь, когда мир почти весь заселен, нельзя найти такую свободную землю, чтобы все соответствовало нашим вкусам и все без труда и лишения попало бы нам в рот.

Но зато наше преимущество в том, что в нашем распоряжении — услуги державы нас принявшей, дающей нам хоть кое-какое содействие. Поэтому, мне кажется, еще рано ставить крест окончательной неудачи на группу Павличенко и Лысенко. Говорят, что „цыплят по осени считают". Но то цыплят, а результатов человеческого труда, сумму его достижений, тем более на новом и неизвестном месте, где люди начинают почти с ничего, нужно будет считать после четвертой или пятой осени. Я уверен, что мы еще здесь, в эмиграции, долбя где нибудь камень, будем иметь удовольствие читать или слышать о морально и материально нормальной жизни казаков в Перу.

Оставшиеся книги Календаря-альманаха „В. К." на 1930 год можно приобрести в ред. „В. К." по цене 20 корон чешских.

Шамба Балинов.

„Я этого не хочу, я этого не могу".

Таким возгласом ответил г. Керенский, по его признанию, „человек не великороссого, а российского сознания", пекущийся „о нашем интернациональном долге", на более трезвый, хотя и очень осторожный подход к национальной проблеме на Востоке Европы г.г. Фишера и Ивановича, являющихся в этом деле первыми ласточками из русского демократического лагеря. Таким юношеским наскоком, таким безапелляционным тоном разрешает г. Керенский всю сложную и огромную национальную проблему на Востоке Европы (см. „Дни" №. 91).

Что же сказали г. г. Фишер и Иванович, так „подкузьмившие" Керенского?

Фишер говорит: „совершенно очевидно, что в сфере национальных взаимоотношений в СССР можно отметить два параллельно протекающих процесса: 1) все усиливающийся, опирающийся на диктатуру единой компартии, процесс административного централизма, 2) все углубляющаяся, опирающаяся на факт растущих национальных движений, национально-культурная самодеятельность. Усиление первого процесса неизбежно стесняет развитие второго, одним из последствий чего является все углубляющееся в массах нерусских национальностей недоверие к общему государственному центру и к искренности его политики в национальном вопросе. Задача социалистической и демократической эмиграции и заключается поэтому в том, чтобы проявить неподдельное искреннее сочувствие стремлениям различных народов России к национально-культурной самодеятельности и, с другой стороны, бороться против советского централизма... Это есть проблема не только политическая, но и психологическая. Вот, например, А. П. Марков нас уверял, что это проблема прежде всего экономическая и что Украина кровно заинтересована в том, чтобы остаться в пределах России. Но если это так, то представим утверждение этого тезиса самой Украине. Этого метода требует тот принцип полного равенства, который является первой и необходимейшей психологической предпосылкой для восстановления доверия для того, чтобы кризис недоверия был нормально изжит"... Для этого нужно „открытая симпатия к национальным стремлениям, симпатия, исходящая из признания взаимного равенства, равного права каждого народа России на устроение своих судеб. Борьба за этот идеал должна стать общей задачей, которая может об'единить всех во имя общей цели"...

Ст. Иванович говорит: „прежде всего необходимо отказаться от гордыни наших „столетиями освященных" прав. Столетия ровно ничего не говорят о разумности и справедливости того, что они, якобы, освящают. Национальные движения со стремлениями к полной государственной независимости возникли только вчера, а пребывание национальных меншинств под общей крышей империи длилось столетия, — и все таки надо разговаривать друг с другом на началах полного равенства и признать полную равноценность национальных чувств, независимо от того, стоят ли за ними столетия или только годы. Эта психология „исторических прав" плохо уживается с нравственной основой демократии и стоит поперек дороги всякому политическому и социальному прогрессу. (Разбивка всюду наша). Новое в истории человечества по меньшей мере столь же ценно, как и старое"...

На „экономический" довод г. Маркова (секретаря „Каз. Союза") против самоопределения народов, каковой „довод" сводится к тому, что хлебородная Украина при самостоятельной жизни задохнется от изобилия своего хлеба, п. ч. теперь становится „все труднее и труднее сбывать хлеб", тот же Иванович ответил вопросом: „Но разве при самостоятельной Украине нельзя вывозить хлеба на север?" и продолжил: „надо думать, что не только Великороссия будет нуждаться в продуктах Украины, но и Украина будет нуждаться в продуктах Великороссии. Это и создаст условия для решения тех экономических проблем, которые возникнут из факта национальной самостоятельности территорий, входивших в состав б. Рос. империи. Политические границы между народами не являются экономическими пропастями между ними. Такая пропасть может возникнуть только тогда, когда самый факт национального самоопределения и независимости будет рассматриваться, как „казус белли". Начнется взаимоистребительная война, от которой плохо придется и „нам" и „им". Но источником этой войны будет не вопрос о сахаре или угле, вообще не экономический фактор, а кипение националистических страстей, „исторические права" и т. п. фантомы... Но именно поэтому необходимо отказаться от взрывчатой музыки наших речей по национальному вопросу и не питать чувств взаимного страха и недоверия, которых уже и без того вдоволь"...

Так достаточно об'ективно подошли к национальной проблеме вообще эти два лица из русского демократического лагеря, когда они выступали на последнем собрании „Дней". Правда, в их словаре нет еще такого понятия, как Казачество, казачье освободительное движение. Вопрос пока идет только об Украине, Грузии и... марийцах. Но, мы знаем, что истина проникает в общественное сознание долгим путем. Верим поэтому, что недалеко то время, когда и казачья истина озарит сознание других, как это теперь случилось с истинами Украины, Грузии и т. д. Сейчас важно установить факт, что в некоторой части русской эмиграции произошел психологический сдвиг в национальном вопросе, свидетельством чего являются слова цитируемых авторов.

Всем известно, как до последнего времени относилась вся русская эмиграция к правам народов, в частности Украины, на самоопределение. Нельзя было даже говорить об этом в среде русских! Всякий, признающий подобное право за народами, немедленно пригвождался (и единодушно!) к позорному столбу. За примером далеко ходить не нужно. Единственная небольшая русская политическая группа Чернова-Гуревича, декларировавшая права (некоторых!) народов „на самоопределение вплоть до отделения", всеми другими русскими политическими партиями и течениями была признана предательницей, изменницей России, врагом русского народа!

Но „капля долбит камень". Так и правда жизни медленно, но верно пробивает себе путь в сознание людей. Но, очевидно, сознание г. Керенского тверже камня и не поддается действию каплей правды, ибо он на все эти бесспорные положения ответил: „Я этого не хочу. Я этого не могу", ибо все самостийники, по его уверению, продались „иностранным военным органам, враждебным России и русскому народу" и не хотят выполнять своего обещания, данного ими г. Керенскому — слушаться его, Керенского. Да еще потому Керенский против самоопределения народов, что он, Керенский „великоросс"-„волжанин" не знает, где находится Великороссия и восклицает: „Где она находится? Где ее границы? Кто ее населяет?" Положение, конечно, трудное, но и трудно помочь: пожилого человека за учебник истории и географии не посадишь.

Следует сказать несколько слов о любимом коньке г. Керенского, о его „органической теории". На протяжении одной странички он много раз повторяет ее: „государство — явление органическое". „Органически, подчиняясь закону своего внутреннего роста, выросла нынешняя Россия, уже не разложимая на свои составные этнографические части"..., „из органического сотрудничества всех национальностей внутри государства выросло хозяйственное живое единство России"..., Россия „была построена на более здоровых, чем в Индии, органических началах"..., хотят „вырвать Казань и

прочие области „Идиль-Урала“ из живого тела России“... Одним словом, существовало и существует, по утверждению Керенского, „единое, живое, органическое тело“ — Россия, подчиняющаяся естественному закону роста и смерти всякого живого организма, где отделение части целого влечет или тяжкие страдания или немедленную смерть и частей и „туловища“.

Но сейчас же, вслед за тем сам пишет: „время для федерирования сверху — прошло. Теперь надо постараться найти новые формы крепкого сцепления (очевидно, крепче „живого организма“) снизу для нового органического, (а тут, очевидно, уже организма не существует) развития России — отечества многих, во всем равноправных (за исключением права устраивать свою жизнь!) наций“, т. е. выходит, что с одной стороны этот „живой организм“ существует, а с другой — надо его снова создать.

Спрашивается — что же это за таинственный организм, обладающий такими чудесными свойствами, что, то, по желанию Керенского, полной жизнью живущий, то нуждающийся в новом создании? Уж не пора ли расстаться с этой „органической теорией“, рассчитанной для детей младшего возраста?

Ведь Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша столетия составляли части „единого организма“ России и, в силу „органической теории“, г. Керенского, должны были при своем самоопределении немедленно умереть и повлечь за собою и смерть „туловища“. Но ни того, ни другого не случилось, а есть совершенно обратное, полной цветущей жизнью живущие государства.

Чехословакия, Австрия, Венгрия столетия составляли „единое органическое тело“ — Австро-Венгерское государство и при своем распадении на свои составные части, по „теории“ Керенского, неизбежно должны были умереть. Но этого не случилось, очевидно потому, что сама „теория“ есть далекая от реальной жизни выдумка гг. Керенских, своей своеобразной „научностью“ доказывающих свое право на владение другими народами.

Но, кроме „органической теории“, у г. Керенского есть другой „довод“ против самоопределения народов. „Довод“, так сказать, „от культуры“. Ибо русский народ создал „великую государственную культуру. Эту культуру Россия несла на окраины — на Кавказ и в глубины Азии“... „цивилизаторская культурно-просветительная работа России... может быть смело поставлена наравне с самыми значительными достижениями Европы в т. н. колониальных странах“. Поэтому, по мнению Керенского, „цивилизованные“ Россией народы, так сказать, в порядке благодарности, должны находиться под опекой России.

Что говорить? Культура — дело прекрасное! Но этой культурой народы прекрасно могут пользоваться и живя самостоятельно, ибо, если „политические границы не являются экономической пропастью между народами“, то тем более не может быть границы культуре.

Но не пора ли признать, что и другие народы уже доросли до сознания и хорошо разбираются: что им плохо, что хорошо. И не прав ли г. Фишер, когда он требует, чтобы решение вопроса о форме бытия Украинского народа было предоставлено ему самому.

Да, тысячу раз прав! Не только одному Украинскому народу, но и всем народам: Казачеству, Горцам, Грузинам, Армянам и т. д. Это единственное правильное разрешение национальной проблемы на востоке Европы, а все другие способы ведут к крови. „Патриотам“ типа Керенского может быть очень неприятно, что другие народы доросли до понимания своих подлинных интересов и что их „заграничные вожди вдохновлены и накалены до фанатизма“. Но что же делать? Это так и есть и с этим ничего не поделаешь.

И напрасно г. Соловейчик пытается ослабить силу национально-освободительного движения народов указанием на то, „что ничем и нигде не установлена тождественность этих „национальных движений“ со стремлениями того населения, об отделении которого от России идет речь“.

„Глубокое убеждение“ г. Соловейчика говорит ему, что все народы с ним, а их представители заграницей — „просто авантюристы, исполняющие задания того или иного иностранного штаба“.

Приятно бывает послушать пение соловья, но у г. Соловейчика пение совсем прозаическое и особенного внимания не заслуживает. Нужно только сказать, что „национальные движения“ Украины, Казачества, Горцев, Грузии и т. д. совершенно тождественны и исходят из одного основного источника. Эта тождественность выявлена в их государственных Конституциях, являющихся следствием точного, определенного и свободного волеиз'явления этих народов; эта тождественность выразилась и в жестокой борьбе с большевиками, в которой Казачество находилось в самых тяжелых условиях, между молотом и наковальней: красной Москвой и реакционной Добровольческой армией, и тем не менее оно дольше всех вело борьбу — настолько сильны были у Казачества сознание и воля жить самостоятельной и независимой жизнью.

Эта борьба не прекращалась, продолжается и теперь и самостийники верят, что она в конце концов должна завершиться победой идеи самоопределения народов, когда Казачество, в числе других народов, разовьет все свои творческо-созидательные силы, таящиеся в нем.

Тогда „патриоты“ типа Керенского, силою обстоятельств вынуждены будут отказаться от гордыни своих „столетиями освященных прав“ на владение всеми народами...

Вл. Кургин.

Крым -- Далмация.

В море.

Бегство „вооруженным скопом“, тоска, черной скользкою пьявкою присосавшаяся к сердцу, самый вид этих тысяч людей, сбившихся на пароходе, так подействовали на меня, что я впал в состояние какого-то оцепенения. Я отлично знал, что „Владимир“ без балласта и с таким множеством людей на верхней палубе неустойчив, так что при малейшем шторме может пойти ко дну. Но это меня ни пугало, ни радовало. — Все равно...

Заполнив трюмы, закупорив все выходы из них, люди задыхались от недостатка воздуха и убийственной вони от разопревших полушубков. Передвижением в нашем трюме руководил генерал Ходкевич, но давка и толчея от его распоряжений только увеличивались. Каждую минуту трюмы оказывались закупоренными плотною массою человеческих тел и из нижних трюмов тогда неслись отчаянные крики задыхающихся:

— Дайте воздуха!... Стрелять будем! На каждом трапе стояли особо назначенные команды, которые прикладами поддерживали порядок. А с капитанского мостика то и дело неслось предупреждающее:

— Ни одного человека на палубу не выпускать! Пароход кренится!

Масса на несколько секунд замирала, потом от небольшого толчка шарахалась в сторону... „Владимир“ одним бортом черпал воду, другой высоко поднимался вверх. Разразись шторм, столь обычный в это время, нам никогда бы не увидать берега.

Продуктов на пароходе, можно сказать, не было. Да и нельзя было на один пароход вместить 12.000 людей и продукты на 12.000 людей. Офицерский резервный батальон все же захватил несколько мешков муки и несколько ящиков галет. В сутки давали по одной галете, а два раза в день „галушки“...

Спал я в первом трюме на сложенных в кольцо канатах. Места было так мало, что лежать можно было лишь свернувшись в такое же кольцо. Хорошо, что я тогда заболел возвратным тифом и потому не ощу-

щал голода. Только жажда мучила. А достать воды было труднее, чем котелок „галушек". Кран с водою открывали 3 раза в сутки, каждый раз на 1 час. За получением воды устанавливались огромные очереди. Но что мучило еще сильнее, чем недостаток воды, так это: невозможность во время пользоваться уборной. Днем и ночью перед дверьми ее стояли сотни казаков, растянувшись лентой „в затылок" по всему пароходу.

О том, куда мы идем, узнали только тогда, когда увидали, что „Вмадимир" все время держит курс на юго-запад.

16 ноября н./с. перед рассветом показались огни на европейском берегу Турции, а к 7 ч. утра мы подошли к Босфору.

Полным ходом шел пароход к проливу. Все, кто только мог выбраться из трюмов, не обращая внимания ни на караулы, ни на окрики с капитанского мостика, столпились на палубе. „Владимир", и до того шедший боком, сейчас окончательно перекосился на правый борт. Сзади нас, из глубин Черного моря, выплывало солнце, озолотив первыми лучами форты на азиатском берегу Босфора. Навстречу нам неслись тучи маленьких турецких яликов. Методически налегая на весла, падая всем корпусом вперед и сразу откидываясь назад, сильными взмахами весел турки быстро гнали ялики и вскоре, точно стая голодных, крикливых чаек, на две — три секунды окружив пароход, наполнив воздух криком и гамом, исчезли между тяжело вздымавшимися волнами моря.

Вот мы и в проливе. По обоим берегам его, венчая вершины невысоких гор, виднеются форты, а у самой воды, в яркой зелени белеют деревушки и дачи. Пролив не широкий, слышно, как на берегу горланят турки. Видно, как они, приложив козырьком руки к глазам, смотрят на нас...

Что они сейчас о нас думают? Когда-то наши предки бывали здесь и не в качестве „беженцев". Впрочем, не раз бывали и „беженцы". Как и мы. Бежали казаки и раньше от „белых" московских царей и цариц. Как мы сейчас от красных комиссаров. Еще и сейчас поются песни на Кубани, об'ясняющие, почему казаки предпочитали власть султанов турецких власти царей московских:

... А він турок, хоч невірний,
А все ж правду має, —
Як приїде сіромаха,
То він привітає...

Догнали большую, неуклюжую шхуну, перекосившуюся на правый борт и облепленную людьми, как и наш „Владимир". Догнали и обогнали „Дон", потом еще несколько больших и малых пароходов и просто речных барж, никогда дальше Таганрога не ходивших, а сейчас переваливших Черное море. На всех судах развевался французский флаг.

Ухожу с палубы в трюм, сворачиваюсь на своих канатах и пытаюсь заснуть. Мучит нестерпимый жар. Одеревянелый язык еле поворачивается во рту. Губы потрескались, покрылись налетом... Пить, мучительно хочется пить!...

Около меня сидит „сестра", жена одного из офицеров нашего батальона.

— Сестрица, ради Бога, принесите мне воды!

Сестрица вздернула плечами, скривила губы.

— Вот еще!...

Больно, обидно резнул ответ „сестрицы". В разгоряченном мозгу проплывают отрывки воспоминаний, не то грезы... Действительность мешается с вымыслом, вымысел кажется действительностью. Кажется, встанешь, встряхнешься и — сразу и бесследно исчезнет рой страшных сновидений, не будет ни этих пароходов, бегущих куда-то по проливу, ни тысяч томящихся на них людей, ни всего этого чудовищного, невиданного бегства...

Я не хочу болеть. Напрягаю последние силы. Шатаясь, как пьяный, пробираюсь опять наверх, держа перед собою легитимацию машинной команды, с которой должны были пропускать вне очереди. И все-же, для того, чтобы пробраться до врача, потребовалось больше часа времени. Измерили температуру: 39·8°. Дали хины. Выпил...

А „Владимир", подгоняемый сильным течением, все несся на запад и все плыли и плыли навстречу нам дворцы, дачи, минареты... Босфор становился все оживленнее: сновали туда сюда моторные лодки; высоко взметая воду острыми килями, мчались миноноски; грузно опустившись в глубь, ощетинившись чудовищными орудиями, стояли великаны дредноуты...

Серебряной лентой струится Босфор. Приветливо, мирно глядят с берегов кипарисы. Все кругом светло и радостно. И, только наши пароходы уродливыми, грязными пятнами несутся по проливу.

Около 12 ч. дня „Владимир" стал на якоре на Константинопольском рейде. Здесь уже стояло около сотни пароходов, пришедших раньше. Огромный город, подернутый пеленою дыма и тумана, разворачивался по обоим берегам залива. Высоко, выступая над морем крыш, смутно маячили минареты Айя-София...

В город нас, конечно, не впустили. Мы продолжали жить той-же жизнью, что и в открытом море. Разница была лишь в том, что наш „Владимир" сейчас был точно мухами облеплен маленькими турецкими лодками. Шел „товарообмен". Наших „разоруженных" денежных знаков турки не принимали. Впрочем, немного давали и за ценные вещи: за револьвер — булку хлеба и низку инжира. За шинель — столько-же...

19 ноября к нам приехал на катере ген. Врангель. Его встретили криками „ура" и „встречным" маршем... Генерал сообщил, что нас, кубанцев, предположено разместить на острове Лемносе; что больные и раненые и — семейные могут высаживаться здесь... Проводили его уже не так шумно, как встретили... Мы не узнали от ген. Врангеля: будем ли мы на этом самом Лемносе переформировываться или... или... черт знает, что за этим — или?!...

Вечером снялись, а на другой день к вечеру уже подошли к Лемносу.

Лемнос.

Безлюдный, пустынный остров. Невысокие, резко выраженного вулканического характера, горы. Между ними сплошные груды серого камня. За широким заливом белеет маленький греческий город Мудрос.

В том месте где нас будут высаживать кроме двух, трех австралийских домиков, да сиротливо торчащих на пригорке нескольких круглых палаток — никаких строений.

23 ноября поздно вечером высадились. Дул пронизывающий северо-восточный ветер, от которого мы укрывались за прибрежными камнями. В поисках укромного местечка долго бродили в темноте по берегу, спотыкаясь то о камни, то о спящих, ранее нас высадившихся казаков. Недовольно, даже сердито шумело море, обдавая нас холодными брызгами... С парохода на берег высаживались все новые толпы...

Взобравшись на гору, случайно набрел на большую палатку, куда и забрался, не обращая внимания на протесты лежащей там компании. Втиснувшись в плотный ряд спящих, кое как вылежал до утра, ворочаясь с боку на бок и в кровь расчесывая искусанное вшами тело.

Утром французы выдали нам палатки: на 12 человек — круглую маленькую, на 40 — большую, ввиде домика.

В числе 12 случайно сгруппировавшихся офицеров поселился в круглой палатке и я. Приколыши нельзя было забить и потому полотнища просто прикрепили камнями. Подстилки, конечно, не было. Лежали на голом камне. Холодно, неуютно, тесно...

Днем еще было сносно: ветер дул не с такой силою, как ночью, сквозь брезент пригревало солнце...

Днем мы раздевались и занимались истреблением вшей. Обыкновенно около 11—12 часов дня, когда уже можно было снять фрэнчи и рубахи, раздавалась команда „старшего" нашей палатки, полковника Д:

— К бою готовсь!

Мы все (в том числе и сам „старший") быстро раздевались.

— Начинай! Следовала вторая команда. И мы — „начинали".

Те, кто регистрировал убитых на своем теле и пла-

тье, утверждали, что за один такой „присест“ им удавалось убивать по 300 штук вшей... Дальше убивать не могли — от усталости.

Разумеется и у меня их было не меньше, только я „своих“ не считал.

Продукты мы получали на руки и сами должны были изыскивать способы и средства для варки. По острову валялось множество банок из-под керосина: из них мы смастерили себе мангал, а уголь крали у французов.

День проходил в приготовлении пищи, в охоте на вшей, в получении продуктов... Отдыхали после пароходной трюмной вони... Но за то ночи... Ночи были ужасны.

Ночью ветер переходил в свирепую бурю, трепал полотнищами палатки, часто срывал ее совсем, засыпая нас пылью и мелкими камнями. И, казалось, пел нам, что все мы — обреченные... А внизу глухо, сердито рокотало море.

Тесно прижавшись друг к другу, ворочаясь, дрожа от холода — прислушивались мы к вою бури, а в голове назойливо копошились вопросы:

— А что-же дальше?

— Кто мы?

Сзади кровавая бестолковщина, а впереди? Чего ожидать? К чему готовиться? Какой смысл в нашем сидении на острове?... Отдохнуть, разобраться... А потом? Потом — на Кубань... Как, с кем, на какие средства?..

Выбросили нас на пустынный остров, окружили зуавами и колючей проволокой... Кто мы?... Военнопленные, интернированные?... Сможем-ли мы здесь отдохнуть — на голодных галушках и... и вот в таких вшах?... Оружие у нас отобрали. Винтовки сдали еще в Константинополе. С нами здесь 4 орудия, но затворы от них у французов.

От этих вопросов, ответа на которые не находишь, еще холоднее и тоскливее кажется в палатке; ночь невыносимо длинна... В душу заползает отчаянье, нашептывающее то мысль о самоубийстве, то фантастические планы бегства на материк.

Один по одному и целыми толпами от лагеря к лазарету тянуться больные. Возвращаются немногие. Сыпной и возвратный тиф вырывали в день по несколько человек. Появились даже случаи черной оспы.

С первого же дня на острове установилась отвратительная, внешне-показная, палочная дисциплина. Цук и муштра пышным цветом расцвели на каменистой почве Лемноса. Развели шпионаж, появилось „слово и дело“, пошли „подтягивания“, козыряния (лихо!), шагистика. За „небрежное“ отдание чести генералам, офицеров сажали под арест. Тому-же, кто „прозевал“ генерала, грозили чуть-ли не каторжные работы. Дисциплинарные взыскания сыпались как из мешка. Был учрежден военно-полевой суд под председательством Г. Х. Косякина. На первом же заседании это судилище упрятало в французскую плавучую тюрьму полк. Кел... на 4 года за то, что тот „когда-то“ закурил у иллюминатора парохода „Владимир“. Туда же были упрятаны несколько мальчиков казаков, стянувших у французов краюху хлеба, и несколько юнкеров, разобравших ящик галет.

Лемнос и для казаков и для офицеров был страшным зачумленным островом, на котором царили тиф, голод, вши и бессмысленная муштра с „лихим“ козырянием...

Все высаженные на Лемносе были поделены на 2 группы: „строевые части“ и „беженцы“. Попасть из второй группы в первую было очень легко и просто, но из первой во вторую — никак. А, конечно, гораздо больше было тех, кто мечтал о „свободной“ беженской жизни, чем о занятиях „пеших по конному“ и лихом козыряньи с дружным ответом на ходу:

— Здражлавашприство!

Все старые документы, удостоверяющие принадлежность к той или иной категории, были об'явлены недействительными. Учреждены были новые комиссии. В своем рвении „увеличить“ строевые части, эти комиссии доходили до того, что „выписывали“ из „беженцев“ полных инвалидов...

У „беженца“ была хоть какая нибудь надежда удрать с Лемноса, а у „строевика“ не было и этого проблематичного утешения.

В „ловчении“ удрать с Лемноса казаки доходили до совершенства. Были и такие, что на маленьких весельных лодочках отваживались бежать на материк.

Генерал Фостиков, командир Кубанского корпуса, с первого же дня энергично принялся за всякие переформирования; назначал новых командиров частей, сколачивал полки, батареи, повел усиленные занятия „пеших по конному“...

Туча генералов, мечтавших жить на Лемносе на положении командиров бригад и начальников дивизий и получать от французов содержание по занимаемой должности, жестоко разочаровались и с первым же пароходом „словчились“ с Лемноса от своих частей...

Распоряжались на острове французы, сменившие англичан.

28 ноября на пароходе „Россия“ словчился и я. Никогда не забуду какими, полными зависти, глазами смотрели на отходящий пароход остающиеся на острове...

Побывал в Галлиполи. Здесь настоящее армейское царство. Полуразрушенный город напоминает небольшой городишко, находящийся недалеко от линии какого либо фронта. Всюду фрэнчи, шинели и шпоры. Исключительно русская речь. Даже мальчишки греки и те кричат:

— Карашо товар! Дешов товар!

30 ноября опять Константинополь. Опять смотрю на маячащие вдалеке минареты столицы мира.

На „России“ почти исключительно донские казаки и калмыки. Кубанцев мало. Небольшой отряд украинцев... Жили мы так-же тесно, как и на „Владимире“. Разница была лишь в том, что здесь вшей и тифозно-больных было еще больше. Я ехал в компании крупнейших кубанских помещиков „тавричан“. Сейчас они были „богаты“, как и я...

Кто и что должны были делать с нами, мы не знали. Как слух передавали, что нас отвезут или на Принцевы острова или в Алжир. Ни то ни другое мне не улыбалось. Да и остальным тоже. Острова я уже видал, а путешествие в Алжир на грязной, вшивой лохани, переполненной больными тифом людьми... Нет, уж лучше сразу — за борт!...

Я был настолько грязен, настолько искусан вшами, а расчесанное тело так зудело, горело, что единственным моим желанием, заглушавшим все остальные, было — попасть в баню. Как можно скорее — в баню. Да и все остальные „беженцы“ грезили баней, говорили только о бане. Все, кто еще мог самостоятельно двигаться, измышляли как бы поскорей вырваться из этого стонущего, вшивого котла. Я решил сбежать с парохода, отколоться от массы, отделаться от грязных, провонявшихся, озлобленных на весь мир людей, а потом уж думать, что делать с собою. Первая цель — баня. А потом — видно будет.

Дня через три — четыре после нашего прибытия в Константинополь, к „России“ подошел катер, развозивший по лазаретам тифозно-больных. Я „словчился“ на этот катер и вечером того же дня был на берегу Босфора во французском распределительном пункте. Оставалось удрать из пункта и я — в бане! Увы, лишь только мы ступили на берег — нас окружили зуавы и с этого момента держали нас в своих проволочных колючих об'ятьях...

Нас вогнали в длинный сарай, где мы, раскинув бурки, повалились спать, радуясь, что можем, наконец, расправить онемевшие члены. Вскоре в сарай впорхнули нарядные француженки — сестры милосердия, а за ними санитары с баками и подносами. На подносах были бутерброды и чашки, а в баках кофе.

Сестры, обворожительно улыбаясь, раздавали нам бутерброды и кофе и искренно огорчались, когда какой-нибудь угрюмый „le cozaque“ упрямо отказывался от du pain'a или du caffe. Матросы, помогавшие сестрам, оказались симпатичными ребятами и с особым удовольствием рассказывали, как их крейсер обстреливал Ялту, по занятии ее большевиками.

В 9 ч. вечера нас на санитарных автомобилях перевезли на другую окраину города в главный госпиталь для тифозно-больных... *(Продолжение следует).*

Сергей Макеев.

В провинции.

Сидел я у себя в комнате и с интересом просматривал „страничку для детей“ в „Иллюстрированной России“. Не лишне познакомиться, а то, не ровен час, женишься, да пойдут детишки, так и не знаешь, как воспитывать ребенка: то-ли ему „Палестинский вестник“ в руку сунуть, не то сказку про умного осла Пэку и простодушного дядю Мартина почитать. Задача не легкая! Каждый порядочный отец должен приготовиться к воспитанию молодого поколения и заранее наметить себе программу к разрешению сего трудного вопроса. А то, вдруг, подойдет к тебе какой нибудь карапуз да и спросит: Что такое „подлюга“? А ты вытаращишь глаза, почешешь в недоумении в затылке, и беспомощно начнешь рыться во всех иностранных словарях. Ведь не к редактору же Миронову посылать за раз'яснением?! На самом интересном месте, где Пэка своим благородным ослиным копытом учит уму разуму дядю Мартина, дверь моей комнаты открылась и на пороге появился Заболотько.

— Представитель казачьей эмиграции просит разрешения войти! — пробасил он, бесцеремонно вваливаясь в комнату.

— Что с тобой? — воскликнул я, — у тебя такой странный вид, как будто ты только что выскочил из рукопашной схватки?

— Опять без работы! — резко ответил он.

— Ну, это беда не большая. Я думал худшее!

— Уж хуже этого быть не может, когда в кармане ветер гуляет!

— Почему же ты бросил у Тезкина?

— Меня бросили, а не я...

Заболотько сел на край постели и закурил папироску.

— Из-за чего ты с ним не поладил?

— Да, собственно, не с ним, а с хозяином.

— Стены покрасил не в тот цвет, или краску развел на воде?

— Ни то, ни другое. Просто у нас с ним разные взгляды на вещи!

— У кого красили?

— У Прудинова.

— Вот как! Ну, тогда не удивительно...

— Это грубое животное привыкло, чтобы все прихлебатели на карачках перед ним ползали, ну и смотрит на всех остальных с презрением. У русских так: раз капитал, значит „Иван Иваныч“ и „поясной поклон“, а что этот самый Иван Иваныч не так давно в Архангельске извозчиком был; так это мало кого интересует! —

— А при чем же тут его прошлое?

— Очень даже при чем! — ответил Заболотько, — извозчиком был, таким и остался... Деньги деньгами, а воспитание воспитанием! Красили у него в новом доме, — кажется в девятнадцатом по счету, — в одном месте понадобилось подкрасить. Тезкин! — кричит он антрепренеру — „пришли-ка сюда мужика с краской!“ Мужика!.. Для него все мужики! Нет, брат, я казак, а не мужик, а что сейчас нужда заставила быть маляром, так это не значит, что я... Тезкин послал меня. Я взял ведро с краской, кисть и пошел. „Ты, милой, сапожищами своими“ — говорит он, — „не дюже топчись, тут-ка паркет, а не мостовая“. Меня это взорвало. Что за хамство!! Видит человека в первый раз и сразу на „ты“. Я его круто осадил. „А ты что из офицерьев будешь?“ — нагло спросил он. Меня это еще более разозлило и я вне себя от бешенства грубо ему ответил:

— Я то из казаков, да еще из вольных, а вот ты, я вижу, из холуев!

Ну, конечно скандал. Чуть чуть не дошло дело до ведра. А сильное желание было перекрасить его в другой цвет... Когда же узнал, что я казак, так сразу весь побледнел и, обращаясь к Тезкину, сказал: „ты подбирай себе мужиков то получше, а то с такими а т а м а н а м и в приличные дома и пускать не будут“.

— А Тезкин что?

— Что Тезкин? Ходит перед ним на задних лапках. Был бы казак, так нашел бы ответ, а то ведь и сам такая же...

Мы задумались. То есть я пустился в размышления, а Заболотько скручивал папироску.

— Ты упомянул про воспитание. Так вот изволь взглянуть, как воспитывают детей русские люди за рубежом. Можешь себе представить, что будет через десяток лет, когда появится новое поколение? —

Я показал Заболотько один из номеров „Иллюстрированной России“.

— Ого, вот это здорово! — крикнул он, — „подлюга!“ Да ведь в народе то подлюгой называли кого? — гулящих бабенок, а тут ребятишек учат!

— Вот видишь? Прудинов, дорогой мой, мужик, у него и воспитание мужичье, тут и обижаться особенно нечего, а когда к тебе будут подходить интеллигентные люди и говорить „ну ка, подлюга, подкрась здесь“, тогда безусловно нужно пускать в ход ведро краски, чтобы перевоспитывать... Душа болит за казачьих детей, а ведь большинство из них воспитываются на подобных журналах и подобными наставниками!..

Мы опять задумались...

Думы и мысли.

Петр Крюков. *(Франция).*

ЧАСТУШКИ ПАРИЖСКОЙ ВОЛЬНИЦЫ.

Над Парижем что-й-то тучки
Грозно собираются.
Что-й-то Мельников и Марков
Больно полыхаются.
Гром гремит, а дождь не льется —
Чудо не бывалое.
Нам Богаевский грозит,
А нам — горе малое!
Уж в Германии давно
Выдумали пушку.
Нас Богаевский и К-о
Брать хотят на мушку.
Все никак, знать, не забудут
Унтерской привычки:
— Если будешь рассуждать —
Потеряешь лычки!..
Видно баре-то у них
Только сдвинут брови, —
Их душа уходит вмиг
Чуть-что лишь не в ноги;
Только цыкнут, знать, на них:
— Прикрутить к а з а́ к о в! —
Впопыхах летят таких! —
Люли — цветик маков!
И „изменники“, и „воры“,
Чуть-что не „грабители“!..
Мы-ж хохочем до уморы:
— Ай, да „победители“!..
Сами раньше присягали
Донской конституции
И ругательски ругали
„Вождей“ революции.
А теперь с „вождями“ теми
Братски лобызаются
И, не чая Донской пе́ни,
С „сипо́ю“ братаются.

Все Казачество продать
Уж давно решилися,
Да не знают как начать:
Как бы не ошиблися!
Из „каза́ков“ им велели
Сотворить „землячество“,
Да... мешает им в той цели
Вольное Казачество!..

Mundus vult decipi, ergo decipiatur.*)

Я на советские фильмы не хожу, потому что уже 13 лет с возрастающим нетерпением жду конца монументально чудовищного большевицкого фильма, в самых драматических сплетениях крутящегося и по сей день. Недавно я, однако, соблазнился и пошел на „Генеральную линию“, у которой подкупно-восторженная пресса находила больше достоинств, чем астрономы звезд на небе, а большевизанствующие подхалимы — неистово выли о сокрушительных для буржуазного мира достижениях пролетарского государства.

Фильм агитационный. Основная его идея — индивидуальное хозяйство, несущее в себе микробы эксплуатации, никогда не может дать при своей раздробленности той продуктивности, что хозяйство коллективное. Колхоз — единственно рациональная форма, при которой мятущееся человечество ожидают — небывалое благосостояние, лавина всевозможных плодов земных и сказочный размах культуры.

Я не собираюсь утомлять внимание читателя критикой этого фильма, вернее — ее неприкрытой тенденции славословить коллективизм. Действительность раскритиковала большевицкие эксперименты беспощаднее, чем это могут сделать самые сильные, логикой брызжущие человеческие слова. Я очень мало склонен идеализировать капиталистический строй, который, несомненно, таит в себе элементы собственного распада.

Я не настолько косный, чтобы не понимать многих преимуществ коллективного хозяйства перед частным. Но, в то же время, я не так наивен, чтобы не видеть всю беспочвенность коммунизма, игнорирующего самый мощный жизненный фактор, из которого развилась вся человеческая культура с ее дифференцированностью и многогранностью — личную выгоду. Чем заменить ее в коллективе, чтобы побудить каждого его члена работать охотно, без принуждения, не только за страх, но за совесть — это мне непонятно и „Генеральная линия“ тоже этого не об'ясняет. Всей своей кажущейся убедительностью сосредоточивается она на моменте коллективного производства и фарисейски обходит молчанием момент, который является целью всякого производства — распределение добытых благ.

Очень может быть, что для автора фильма этот момент несущественен, так как коммунистическое государство располагает достаточными средствами, чтобы заставить своих подданных работать, но для меня это не решение вопроса. Только сознательный, добровольный труд может быть творческим и продуктивным. Только такой труд находит оправдание связанных с ним тягот.

Но это уже область философии, а я философией заниматься не намерен.

Итак, я видел на полотне белые каскады молока, текущего по желобам в чаны; я видел груды свеже сбитого масла, плавающего в собственной сыворотке, а наряду с этим благополучием с экрана смотрят косматые, оборванные мужики в лаптях и с выражением жестокой нужды в лицах... Люди, питающиеся целый год овсяниками наполовину с картофелем и отрубями и от недоедания имеющие серый, землянистый цвет кожи, с завистью смотрят, как хищные, проворные и жадные руки колхозослужащих разливают молоко по бутылкам, рассортировывают масло по ящикам, старательно упаковывают и отмечают в какой то тетради.

Это не для колхозных рабов, думаю себе, это на вывоз, это для других людей, непричастных к производству, но широко распоряжающихся потреблением...

А вот тракторы, много тракторов... Едут стройными фалангами. Впереди красные знамена с трескучими лозунгами.

Моим соседям справа и слева не сидится спокойно. Они аплодируют. Я сижу безучастно. Сосед справа подозрительно косится на меня и говорит: „Самая захватывающая картина, какую я когда либо видел в кинематографе. Хорошая пощечина буржуазным псам, лающим о всяких ужасах советского режима, не правда-ли?“

Я упорно молчу. Я не хочу портить моему соседу настроение, обнаружив своим выговором, кто я... Он уже враждебно смотрит на меня, потом обращается к своему коллеге: „Увидишь, Франц, что через четыре года СССР обгонит Америку“...

Мне и смешно и горько. Мои соседи поддались агитационной рекламе. Они только видят картину, а я ее глубоко переживаю. За внешним эффектом я усматриваю грозную, жуткую правду, которой не видят они...

„Америка, думаю себе, не демонстрирует количества своих тракторов, но там миллионы пудов зерна сжигается, потому что с ним не знают куда деваться, а вот в не менее щедро природными богатствами наделенной стране, только бьющейся в красных оковах, хлеб выдается по карточкам, да и то еще в тюремных дозах“...

Возвращаюсь домой поздно вечером, занятый мыслью: почему человеческий разум устроен так, что ложь и обман хотя бы и самые бесстыдные, ему доступнее чем правда и критический подход к жизненным явлениям?..

Mundus vult decipi, ergo decipiatur, — мир хочет быть обманываем...

Н. Нечуй-Левицкий.

*) Мир хочет быть обманываем.

На Сербском Челопеку.

Во второй половине XIV века, когда Донские казаки громили полчища Мамая, в те года на Балканском полуострове на Косовом поле истекало кровью храброе и родственное нам племя Сербов.

„Юнаци“, коих родить может лишь Сербская Майка, „юнаци“, способные на протяжении пяти с половиною веков порабощения Родины орошать своею кровью Ее поля, чтобы на них не угас аромат Свободы, те Косовские юнаци были действительно братья по крови, храбрости, удали, отваге и бессмертной славе витязям поля Куликовского...

Вот почему не приходится удивляться, что сегодня, 10 июня, на горе Челопек (в двадцати верстах от города Куманово), где 25 лет тому назад Сербские „четники“ (партизаны) своею геройской смертью пробудили народ и призвали его к исполнению долга перед Родиной, сегодня здесь на торжестве и веселии национальной Сербской Омладины присутствуют казаки.

Смерти этих четников в истории партизанских войн Сербского народа были не первые и не последние. На протяжении пяти веков юнаци неустанно беспокоили турок своими набегами; на протяжении пяти веков они будили народ к восстанию против красных фесов и были уверены что на полях, орошаемых их кровью и удобряемых их костьми, Свобода Сербии воскреснет неизбежно.

На территории Сербии нет пяди земли, где бы не была пролита кровь четника, но кровь пролившаяся на Челопеку, особенно памятна для сербского народа, т. к. в 1912 г. она собрала всех партизан на тот же Челопек, и они, совместно с сербскими войсками, под общим командованием воеводы Мишича, в трехдневном бою под Кумановым (9, 10, 11 окт.) разбили турецкую армию и тем достойно ответили им за Косово.

Удар сербских войск и четников настолько был смертоносен для их векового врага, что через два дня после Кумановской битвы победители вошли в столицу старой Сербии — престольный град Царя Душана Сильного — Скопле; через десять дней вновь разбивают турецкую армию у Прилепа, Битоля, занимают Охрид, сбрасывая остатки фесов через Албанскую границу.

Сегодня сербский народ открывает памятник партизанам, погибшим на Челопеке в 1905 году. Благодарная омладина снесла кости и черепа юнаков-четников к подножью Челопека, пропела им „вечную память“ и „Четницкий гимн“.

С раннего утра на Челопек спешат крестьяне и крестьянки Кумановского района. Со всех сторон по горным тропинкам спускаются пешеходы, конные, на мулах, на ослах, чтобы поклониться юнакам, добровольно принявшим смерть за счастье своей родины.

На открытие памятника прибывают войска, четники, представители военных и гражданских властей, школьская детвора со всех ближайших сел под командой своих учителей и духовенство ближайших городов, сел и монастырей.

На памятник героев-освободителей возлагается бесконечное количество венков. Школьская детвора, собрав цветы на Челопеке, орошенном кровью юнаков-партизан, сплела дивный венок и, возлагая его на драгоценные останки храбрых братьев, отцов и дедов, своей сильной, искренней и трогательною речью заставила присутствующих оросить Челопек своею слезою.

Старый четник, один из оставшихся в живых в кровавой битве 1905 г., свидетель смерти своих друзей партизан, обращаясь к их сестрам и матерям, говорит: „Не плачьте, ваши братья и сыны на Челопеке умирали с веселою песней; их желанием было — своею смертью дать вам свободу, радость и веселье“...

Сегодня Челопек, украшенный национальными костюмами, знаменами Свободы, необычно торжественен. В течение целого дня у его подножия народное веселье, танцы, пение, а оркестры, чередуясь, трубят о Сербской Свободе...

Вместе с сербским народом из ближайших городов и сел прибыли на Челопек и казаки. Наши станичники, смотря на черепа и кости, сложенные у памятника юнакам-четникам, мысленно переносились на свою казачью Родину, вспоминая имена защитников Казачьей Вольности, имена лихих атаманов, сложивших свои буйные головы за право дедов, и здесь на народном веселье у Челопека в честь свободы наших братьев Сербов, давали клятву быть сынами, достойными рыцарей Куликовской битвы...

По завершении народного веселья на Челопеку, наши казаки направились в ближайшее село Старый Нагоричан, где в 1912 году Сербское войско и четники одержали главную победу над турецкой армией. Остановившись на отдых в доме гостеприимного старика сербина, свидетеля Кумановских боев, наши станичники слушали рассказы о храбрости четников...

Когда же солнце стало скрываться за Челопеком и дневная жара спала, казаки, осмотревши в селе старинный храм св. Великомученика Георгия Победоносца, построенный Сербами до Царя Душана Сильного в 1310 г., и запалив свечи пред иконой Великомученика, направились разными дорогами к своим временным местам жительства. При расставании, казаки крепко пожали друг другу руки и обещались держать связь с „Вольным Казачеством“ и Скоплянской станицей...

10-VI-1930 г. Скоплье. **П. Апостолов.**

Могила неизвестного солдата.

Я видел могилу неизвестного солдата.

С одной стороны к ней примыкал огромный городской сад, с другой — центральная, засыпанная гравием, городская площадь. Над нею на высоких каменных колоннах покоилась крыша, вокруг в особых сосудах горел неугасимый огонь и лежали венки из живых цветов. Побрякивая оружием, мерно ходил часовой. Прохожие благоговейно снимали шляпы.

Кто здесь погребен, спросил я спутника.

— Неизвестный солдат, гордо ответил мне спутник, защитник нашей родины. На этой вот площади совершаются парады, к могиле подходят торжественные процессии в дни наших великих национальных праздников. Головы всех склоняются перед ней. Ее одинаково чтут и первый министр и последний подданный страны.

Мне приходилось и раньше видеть могилы неизвестных солдат, но я только теперь, после слов моего спутника, отчетливо понял их значение, понял смысл преклонения перед ними. Сердце болезненно сжалось, а в голове возник страшный вопрос:

А у нас?

И перед внутренним взором прошли жестокие картины, жестокого прошлого.

———

Я ясно представил себе то жуткое время, когда над Доном стряслась тяжкая беда.

Воскресшая свобода, воскресшая гордость Казачества — Войсковой Круг — всколыхнули казачью душу, заставили трепетно забиться сердце вдруг потеряли свое обояние. Ликование и восторги прошли.

Наступила жуткая пора. Казаки, могущие защищать добытое освобождение с оружием в руках, отказались исполнять приказ созданного ими Круга и первого своего избранника Войскового Атамана.

Враг стягивал Дон в кольцо, готовясь залить его кровью.

На фронте бились одни лишь дети. Почти каждый день в столицу Дона привозили трупы этих беззаветно преданных Казачеству героев. Провожал их к месту упокоения Войсковой Атаман.

У многих из них в столице Дона не было ни родных ни знакомых. И только один Атаман шел за их гробами, часто может быть не зная, кого провожает он.

Глубокая осень. Моросит дождь. Сыро. Пустынны улицы столицы. И по ним медленно движется похоронная процессия. А за ней идет один Атаман. И никого больше.

Что передумал он? И как он должен был тяжко скорбеть!

Хозяин Донской Земли неоднократно избирал его всеми голосами на высокий пост Атамана, вверял ему судьбу Донского казачества, а фронтовики, поверившие в сулящую большевиками свободу, равенство и братство, отказались защищать Дон и признавать Атамана. Жители столицы, чуя неизбежность грозы, засели в своих квартирах. В станицах шла глухая борьба стариков и фронтовиков.

А в Новочеркасск все везут и везут трупы беззвестных героев-партизан. Им последнюю почесть отдает Атаман... один.

Могилы их забыты.

Никто не придет к ним, ничьи не преклонятся колени, никто с благоговением не обнажит перед ними своей головы.

———

Эхом прокатился выстрел Атамана-мученика по Донской Земле. Проснулись казаки. Великая ложь большевицкой проповеди раскрыта. Дон восстал. Началась жестокая борьба на жизнь и смерть. За свободу, за родную Землю гибло Казачество.

Тысячи, десятки тысячь могил разбросаны по Казачьим Землям. Остались они и на восточном побережьи Черного моря, и в Крыму, и на берегах Днепра. От них не осталось следа. Никто никогда не узнает, где покоятся кости героев. Не придут на их могилы мать, жена, дети... Не пропоют над ними панихиды, не преклонят колен.

———

Великая война унесла миллионы человеческих жизней. Могилы неизвестных солдат разбросаны по всем странам Европы. Многие из них уже забыты, часто сравнены с землей. Но память о них сохранилась. Все внимание, все преклонение к своим защитникам Европейские народы сосредоточили на могилах неизвестных солдат, похороненных в столицах на лучших площадях. Возле них устраиваются народные праздники, совершаются парады, проходят торжественные процессии.

Освобожденные народы чтут перед ними великий свой национальный праздник — первый день независимого существования.

Официальные представители чужих народов, знаменитые гости возлагают венки на могилах неизвестных солдат и тем отдают дань уважения, почитания всем солдатам, погибшим за свою родину, подчеркивают внимание к дружественному народу, к его армии и к его героям.

На могилах неизвестных солдат лежат цветы, горят неугасимые огни.

Так Запад чтит своих героев, своих защитников, сложивших свои головы за родину.

А мы?

———

Кто же и когда преклонит колена перед дорогими могилами защитников наших Казачьих Земель? Кто же и когда в наших столицах на соборных площадях упокоит кости неизвестного казака, погибшего за честь, за волю Казачества?

Кто же и когда зажжет над ними неугасимый огонь, положит на них живые цветы, принесет венки, кто и когда будет устраивать возле них парады, совершать народно-казачьи праздники, праздники победы и освобождения? Кто и когда позволит это сделать?

Никто и никогда.

Сделать это можем только мы казаки, кому действительно дорога память погибших. Только мы одни, освободившись наконец от московской тирании, от московских завоевателей, убивающих всякую память о наших героях, считающих их своими врагами, создадим им памятник, понесем ему цветы, зажжем светильники.

Только мы казаки!

Но для этого нужно освобождение.

Казак.

Из переписки двух калмыков.

I.

Дорогой друг Соя!

Твое письмо, как всегда, обрадовало меня, тем более ты давно что-то не писал, но потом, содержание твоего письма заставило меня сильно призадуматься на целых два дня. Ты просил меня, прежде чем тебе писать мой ответ, хорошенько подумать. Так вот, я думал два дня, может быть, этого не достаточно, может быть, еще не раз нам придется говорить на эту тему, я не ставлю окончательных точек, но пока отвечаю тебе по затронутому тобой вопросу и отвечаю совершенно искренно.

Я абсолютно согласен с тобой, что положение нашего народа в данное время исключительно тяжелое, что все хорошее и ценное, как патриархальные семейные устои, как взаимная братская любовь и доверие, бескорыстность, религиозность, порядочность, все и все у него разрушено, что хозяйственно все ограблены и что всем верным сынам нашего народа, по силам и способностям, надо приложить максимум усилий, чтобы вывести наш народ на путь оздоровления и возрождения. Я также согласен, что для этого национальная самостоятельность — один из важных залогов к успеху. Дело хорошее, что и говорить. Не думаю, чтобы нашелся хоть один сознательный калмык, который был бы против таких твоих стремлений, точно также, как и я.

Но, одно дело, дорогой Соя, искать пути и возможности и другое дело найти верный путь и твердо стать на него, ибо может попасться такой, что заведет тебя вместо свободы и простора в глухой бор, откуда ты не будешь знать, как и выбраться и вместо пользы своему народу невольно принесешь вред.

Я не говорю, что путь, избранный тобой, именно таков. Конечно, еще ничего неизвестно. Также не могу рекомендовать другой, по моему мнению, более правильный, так как у меня его еще нет; надо еще подумать, разобраться, пораскидать умом, надо проявить большую осмотрительность и осторожность, а то, знаешь, как бы чего не вышло.

Вольно-Казачье движение, к которому ты так решительно и бесповоротно примкнул и в котором видишь верный путь для улучшения судьбы нашего народа, меня интересует, но проявить такую решительную симпатию как ты я не могу, ибо слишком, мне кажется, дело рисковое, слишком мало шансов на осуществление, а кроме того, мое личное положение таково, что не могу без риска для своего данного положения, заниматься такими остро-политическими делами. Ты знаешь, что живу и работаю среди русских, которым безусловно не понравится такое течение, как самостийное, а между ними у меня есть добрые соседи, с которыми не хотелось бы портить отношения.

Таким образом, ты видишь, мой дорогой, что я принципиально не против твоего убеждения и стремления найти в свободном Казачестве свободное существование нашему народу, но я мало верю в возможность осуществления твоих целей, во-первых, а во-вторых, и мои личные моменты разреши мне принять во внимание. Путь твой слишком опасен, решителен, а что выйдет — неизвестно. Я, конечно, ни словом, ни делом не буду бороться против вашего движения, буду следить, если что запохожится и примкну, но пока не сердись, не могу быть твоим спутником. Моя личная дружба с тобой, надеюсь, продолжится, „старый друг лучше новых двух“ и нельзя дело политического убеждения смешивать с делом личной дружбы и личного взаимоотношения. Прими привет. Дай Бог тебе успеха.

Твой друг **Болгамджи Тушанов.**

1930 г. Франция.

II.

Милый мой Болгамджи!

Настоящим письмом я решил излить тебе все мое возмущение по поводу рассуждений в твоем письме. Я совершенно отказываюсь тебя понять... Что за рассуждения? Короче говоря, ты вот что пишешь: „Гм... знаешь... я сочувствую твоему стремлению к национальной свободе нашего народа, понимаю, что это было бы хорошо, но страшно как-то, что скажут русские, если узнают, что мы хотим свободной жизни, они ведь не любят, чтобы закабаленные ими народы думали о свободе, опасно все это, надо осторожно, тактично... ну, а ты не обижайся на меня, что не могу помочь в этом деле. Я еще не знаю, что выйдет из вашей политики, но так как собственного пути у меня еще нет, то если из вашего дела что-нибудь начнет выходить, то и я примкну“.

Согласись, что суть твоего письма именно такова. Согласись и вдумайся хорошенько в свой ответ и скажи: Достоен ли он честного патриота калмыка, сознательного и интеллигентного человека, каковым я тебя всегда считал и, вероятно, сам себя считаешь.

Во-первых, ты согласен, что положение нашего народа настолько катастрофическое, что действительно нужно проявить максимум усилий для улучшения этого положения, а сам тут же советуешь осторожность, боишся как бы чего не вышло“. Где же логика! Неужели ты уподобился Чеховскому человеку в футляре? Ведь это он всегда и во всем повторял: „как бы чего не вышло“. Какая может быть надобность в сугубой осторожности, когда народ буквально гибнет, когда положение дальше хужеть уже не может, когда налицо такое состояние, что нельзя ни перед чем останавливаться, чтобы помочь ему. Терять нам уже в национальном смысле нечего, в худшем случае будет продолжение того, что было и что есть и, поэтому, нечего бояться.

Кроме того, нужно помнить, что всякая борьба за национальное освобождение, всегда и везде сопровождалась жертвами, без этих жертв не была добыта ни одна свобода и народ, не давший сына, готового идти на плаху за его право и свободу, действительно еще не достоен свободы.

Потому и думать нечего о том, чтобы и жизнь не подвергать опасности, теплое место не потерять, да еще с русскими отношения не испортить и свободу национальную обрести. Надо раз и навсегда решиться на одно из двух: или, ищи и добивайся всеми средствами национальную свободу и связанное с ней сносную и достойную народа жизнь и, следовательно, рискуй не угодить эгоистичным элементам того народа, который не заинтересован в твоем освобождении, или, ставя дороже интересов своего народа интересы свои личные и хорошее состояние духа твоих соседей, добрые отношения с ними, навсегда примирись с закабаленным положением своего народа и способствуй скорейшему его поглощению сильными соседями. При чем, я должен указать, что всякий честный русский человек, ценящий справедливость не станет спорить против нашего права на самоопределение своей народной жизни.

Ты много пишешь об опасности и рискованности избранного мною пути и незначительности шансов на успех. А где же ты найдешь безопасный путь борьбы народа за свое освобождение и, главное, чтобы и отдельные лица не рисковали бы ничем?.. Борьба есть борьба, та же война, только в другой форме, требующая большего искусства, чем поле брани. Как же ты в войне с большевиками боролся, убивал, как помнишь, сам не раз рисковал быть убитым, неужели только потому, что командир полка посылал?.. А вот тут, когда за судьбу родного народа, за возможность обрести ему свободу, человеческое право, нужно и можно поставить на карту все, ты боишься, что место свое нынешнее потеряешь и что твои русские соседи будут недовольны. Стыдно и горько за тебя!..

Я совершенно не понимаю и не принимаю такого отношения к вопросу национальной свободы, как твое. По моему или ты — сын своего народа, отца, матери, или ты сознательный предатель, жалкий эгоист. К какому разряду себя отнести — дело и возможность каждого. Вообще я тебя не угадываю, весь ты стал какой-то мягкий, так и кажется, что ты все время ходишь на цыпочках, боишься резких движений, чтобы не обеспокоить соседей. Ты прости меня за такую резкость, но пойми мое состояние, знавшего тебя иным, а не таким блуждающим в трех соснах, не таким опасливым и не столь ценящим „нынешнее положение". Что значит твое или мое личное положение в сравнении с интересами целого народа!?. Неужели это разлагающее влияние времени и растлевающее действие среды?.. А я, бедный и наивный человек, на первых порах, когда создавалось наше национальное движение, одним из видных наших членов и товарищей даже руководителем считал тебя и теперь мне приходится только разводить руками.

У меня есть друзья и не только политические, к нашему движению примкнули и одобрили лучшие наши люди и силы, даже наши сознательные женщины сочувствуют нам и шлют свои благословения, но все же я соболезную о потери тебя, как политического друга, в дополнение к личному. Потом, ты написал ужасно скверную вещь, пока этому я не нахожу названия. Ты пишешь, что у тебя нет собственного, избранного тобою пути спасения нашего народа и поэтому, если мол, ваше дело будет выгорать, я примкну.

Спасибо тебе за откровенность, но такой подход просто постыден. Ты пишешь о незначительности шансов. А по моему, национальное освобождение — настолько неот'емлемое и элементарное право каждого народа, что если бы даже из тысячи шансов был бы хоть один за успех, каждый сознательный калмык, не колеблясь, должен пойти на борьбу за этот один шанс. Потом, разреши тебе сказать откровенно, что если у нас что-нибудь выйдет или за исполнение наших чаяний были бы все сто процентов, то тогда каждый дурак и трус к нам примкнули бы. Такое примыкание не имеет никакой цены в деле создания возможностей к осуществлению нашего стремления.

Ты пишешь, чтобы я спокойнее отнесся к твоему отказу от совместного политического сотрудничества, обещаешь сохранить личную дружбу и просишь последнюю не смешивать с политическим единомыслием. По моему это абсурд. Во-первых ты неудачно применяешь к нашему течению, к моему убеждению термин: „политический". Нельзя нас, калмыков-самостийников, сравнивать с членами и последователями обычных русских политических партий и их учений. Там, будь-то эсер, эсдек, монархист, к-д и т. д. — все они русские националисты и в этом они едины. А мы, не есть последователи ни тех, ни других, ни третьих, а калмыки националисты, ни к одной политической партии мы не принадлежим, кроме партии преданных своему народу калмыков, готовых бороться за его право до конца.

И вот ты не хочешь быть в рядах этих людей из за незначительности шансов на успех, из за боязни испортить отношения с русскими соседями и вообще „какбы чего из этого не вышло". А рядом с тобой есть люди понимающие мое стремление и готовые дать свои силы и жизнь за возможность осуществления нашей цели и ты подумай о том, на самом ли деле „старый друг лучше новых двух", по данному моменту и по данному вопросу, по вопросу добиться нам национальной свободы или не добиваться вообще из за трудности разрешения этого вопроса?..

Ты, по моему слишком обывательски рассуждаешь. Если бы все калмыки точно также рассуждали бы и их можно было бы оправдывать, то Кануков и Гордавиков, сделавшие у большевиков, т. е. на несчастьи своего народа, головокружительные личные карьеры, должны молить о вечности коммунистической власти, а мы должны были бы понимать их и умиляться.

Но слава Богу, у нас были не только Гордавиков и Кануков, но был и Кирсан Илюмжинов, который, по простоте своей, пойдя с большевиками, дойдя там до положения начальника каваллерийской дивизии, покончил с собой, когда увидел, что дают его народу большевики, когда увидел на площади Великокняжеска сотни трупов женщин, детей и стариков-калмыков т. е. перед лицом общенационального бедствия, одним из виновников которого он невольно явился, пренебрег не только своим положением, но и жизнью...

Вот кажется все, что я хотел сказать тебе по поводу твоего письма. Пойми меня и не суди за резкость. Мое проснувшееся национальное самосознание, национальное самолюбие настолько сильно, что не могу равнодушно говорить с людьми не желающими меня понимать. Особенно трудно мне доказывать все это тебе, которого считал одним из смелых и сознательных сынов калмыцкого народа. Если бы я не знал твою добрую душу и твою любовь к своему народу в прошлом, то я и не стал бы с тобой так долго говорить. Что же... предатели и изменники всегда и у всех народов были и будут и обнаружение такового хотя бы в родном отце, не заставит долго меня раздумывать и колебаться. Но в отношении тебя я надеюсь на скорое твое пробуждение и угрызение твоей совести и не теряю надежды увидеть тебя в рядах верных сынов своего народа, народа достойного, чтобы лучшие сыны его клали за него голову.

Шлю привет. Пиши чаще, авось и договоримся.

Твой друг **Соя Аранов.**

Сетль-Бар. Турция. 1930.

Международная жизнь.

Новый король Румынии.

Политические события сложились так, что 4 янв. 1926 г. королевским декретом своего отца, Фердинанда I, наследный принц Румынии Карл был отрешен от своего наследственного права стать королем Румынии после смерти отца, был лишен всех княжеских прерогатив, был разведен с женой и был выслан из пределов Румынии, с запретом не возвращаться в нее в течение десяти лет. Наследником румынского королевского престола тем же декретом был об'явлен четырехлетний сын Карла, Михай (внук Фердинанда I).

Спустя год, король Фердинанд I умер. Королем Румынии стал пятилетний Михай, а в виду несовершеннолетия короля было образовано регентство, состоящее из трех членов: принца Николая (младшего сына умершего Фердинанда I) Патриарха Румынии и одного лица, избирающегося преимущественно из высшей юридической иерархии.

Румыния — конституционное королевство — такой высшей государственной властью управлялась до 8 с. июня.

За эти четыре с половиною года изгнания принца Карла либеральная партия (изгнавшая его) успела пасть и к власти полтора года тому назад пришли национал-царанисты, большие противники либералов. Де-

ло обстояло так, что никогда ни в Сенате, ни в Парламенте не поднимался вопрос о возвращении изгнанного Карла, ибо и пришедшая к власти после либералов партия национал-царанистов обязалась следовать декрету покойного Фердинанда I, т. е. не допускать (по крайней мере, ранее 10 летнего срока) появления в Румынии принца Карла...

6 с. июня, в 7 ч. 30 м. вечера на аэродром в окрестностях г. Клужа спустился аэроплан. Ничего не знающие офицеры и солдаты авиационного отряда, собравшиеся для встречи этого аэроплана, от неожиданности окаменели, когда увидели принца Карла, вышедшего из аэроплана. Знали только два полковника, которые и представились принцу с рапортом.

В 9 ч. 25 м. принц Карл был уже на аэродроме города Бухареста, откуда сразу же пошел в казармы двух охотничьих полков, а потом, проехав в королевский дворец, немедленно вызвал к себе представителей правительства. Суббота (7 июня) прошла в беспрерывных заседаниях Сената, Парламента и всех политических партий. За этот день первый министр Юлиу Маниу представил регентству отставку своего правительства, мотивируя тем, что он чувствует себя связанным с той присягой, которую он дал в свое время Королю Михаю... Регенство, приняв отставку правительства, уполномочило генерала Миронеску сформировать новое правительство.

8 июня, в 11 ч. дня принца Карла Национальное Собрание (состоящее из Сената и Парламента), аннулируя декрет Фердинанда I от 4 янв. 1926 г., провозгласило Королем Румынии, под именем Карла II. Регенство подало в отставку несколькими часами раньше провозглашения. Правительство генерала Миронеску, побыв у власти всего один день (проведя принца Карла в короли), тоже ушло в отставку.

В тот же день, 8 июня новый король Карл II принес присягу Национальному Собранию, а войска присягнули ему.

Маленького бывшего короля Михая назвали Великим Воеводой Альба-Юлин (одного города, где коронуются короли).

Так, в „24 часа“ — как говорят румыны — произошло в истории румынского народа немалой важности государственное событие — государственный переворот, выразившийся, собственно, в замене короля-сына королем-отцом.

Само собой разумеется, что подобные „государственные перевороты об'ясняются в первую очередь шатким экономическим положением стран. Румыния также, как многие другие европейские государства, никак не может стать на нормальную экономическую почву. Несмотря на то, что после великой войны она территориально увеличилась в $2^1/_2$ раза, достигнув давно желанной мечты — об'единения румынского народа в одно целое свое государство, она страдает теми же экономическими недочетами как и государства побежденные, урезанные территориально и обложенные за последствия великой войны денежной контрибуцией. Ни одна политическая партия, приходившая к власти, не была в состоянии вывести Румынию из ее ненормального экономического положения, почему народ, чем больше разорялся, тем больше охладевал к многообещающим и ничего не дающим политическим партиям страны. И не мудрено, что настоящий государственный переворот в народную массу не внес никакого возмущения. Правда, простой народ, подогреваемый, как всегда, всяким новшеством, питает в душе надежду на уменьшение в первую голову государственных налогов, на хроническом поднятии которых каждое правительство ошибочно усматривало благосостояние своего государственного бюджета, дающее обратно пропорциональные результаты экономической жизни страны. Так думает простой народ.

Политические же партии думают каждая по своему, каждая с с своей точки зрения. Партия национал-царанистов считает, что для Румынии наступила „новая, лучшая эра“. Она говорит — „то, что случилось сегодня есть факт не только политической логики, но и факт исполнения исторического предназначения. Сегодня утверждается высокий моральный принцип, без которого жизнь народа не имела бы никакого смысла“...

Другие (либералы), отказываясь от своего политического сотрудничества с новым королем, в выпущенном ими манифесте к стране говорят: „В лице настоящего государственного переворота, который перевернул конституционный порядок, установленный королем — Об'единителем румынского народа (Фердинандом I), партия национал-либералов об'являет, что она не согласна с случившимся событием (с восшествием на престол принца Карла). Партия эта, протестуя против пр-ва национал-царанистов, которые вошли в заговор с принцем Карлом (допустив его возвращение), говорит: „Мы находимся в лице опасной авантюры и интересов страны и компрометирования самого монархического принципа“...

Конечно, то или иное будущее румынского народа теперь во многом зависит от нового его Короля...

15-VI-1930.

Казачья эмиграция.

В Скоплянской станице.

Скоплянская станица и ранее была одна из многочисленных на всем Балкане, в последние же месяцы рост ее заметно увеличился и в настоящее время она является звеном, скрепляющим всех казаков, разбросанных на территории Вардара, Брегальницы, Охридского озера и по границам Албанской, Греческой и Болгарской.

Главная причина столь успешного развития станицы в Скоплье, как указывалось и ранее, энергичная деятельность ее Атамана и казачий дух станицы. Среди станичников не встречается элемента, способного продать свою Волю и интересы Казачьей Родины поставить на второй план; недоумевающих по казачьим вопросам также нет, а в готовности станицы дать свою жизнь на защиту Казачьих Прав, их Вольности, их самостоятельной будущности сомневаться не приходится — они лишь ожидают сигнала, чтобы свою любовь к Казачьей Родине еще раз доказать всему Свету.

В Скоплянской станице нет особенной нужды часто заказывать общие собрания (сходы, сборы), — казаки имеют возможность почти ежедневно видеть своего атамана и встречаться со станичниками при возвращении с работы. Если вечером стать в центре города на перекрестке восьми улиц, то можно быть уверенным, что в течение получаса пропустите мимо себя несколько групп казаков или найдете их здесь в стороне от площади на широком бульваре.

У казаков привычка — громко разговаривать, шептаться они не любят, или не умеют, поэтому пройти мимо, не заметив их, трудно.

Так было и вчера, — издали слышу: „Так ты, Степан, не забудь передать Ивану „Казацку Волю“, а когда прочитает, пусть возвратит, получит другой номер. Понял?“

— Понял, отвечает ему солидным басом здоровый, рослый детина с загорелым лицом.

Это были наши станичники. Подхожу к ним, здороваюсь. Один из них держал в руках последний №. „В. К.“, а у другого заметил маленькую белую газету.

— Что это? спрашиваю.

Да это, Петро Павлович, русская газета; дали мне прочитать, а по праву сказать, не надо было брать; читал за время обеда и только аппетит потерял, больно уж умные люди пишут, — ничего не понял.

Беру ее, смотрю: „Борьба за Россию“ от 1 июня.

Что же здесь непонятного? Русский язык знаком вам?

— Язык то их знаком, а вот понять его не могу

Смотрите сюда: „Неотложная Задача", далее вот здесь, что он пишет крупно „мы абсолютно не знаем, что придется делать на завтра после падения большевицкой власти"... Это, Петро Павлович, он, этот писака, говорит за то, как придет в Россию к себе домой там все разрушено, а он не знает, что делать ему завтра. И вот этот господин, извольте видеть, не знает, что делать завтра, а следовательно не знает, что делать и послезавтра и, понятно, что он никогда ничего не будет знать, — пишет и печатает смотрите какую газету — „Борьба за Россию".

— А какое тебе дело, вставляет Степан, пусть себе пишут, что хотят, нам казакам, советов не надо. Он пишет для русских, в твои дела не вмешивается, оставь и ты их в покое; главное — мы, казаки, знаем, что нам делать, учить нас не приходится.

— И я про то говорю, единственно погрешил, что взял эту газету и начал ее читать, — то мне всучили ее, другой раз буду памятней... Такую, Господи прости, читать неразбериху — „не знает, что делать завтра"... Дал бы я ему коромысло — пусть воду носит... Эй, люди, — таких бы у нас в станице и бабы засмеяли...

— Ну, вы меня извините, Петро Павлович, я должен спешить домой, надо умыться, поесть чего-нибудь да и на боковую, завтра чуть свет снова в горы на каменные работы.

— Вовьмите же вашу газетку, говорю ему при расстованьи.

— Уж вы потрудитесь, Петро Павлович, всучите ее кому нибудь из тех „кто не знает, что завтра делать", здесь их в Скоплье не мало. А за „Вольное Казачество" спасибо, я его передал Ивану; не забудьте же поставить меня в очередь на „Историю Казачества" — Быкадорова.

— Не беспокойтесь.

На землю спустилась ночь, мы разошлись...

6/VI-1930 г. П. А.

Группа джигитов под'есаула Селина, работающего в цирке в Чикаго.

Доклад Короченцева в Калмыцком хуторе в Десине.

25 мая в Лионе был представитель Казачьего Союза г. Короченцев и, между прочим, сделал доклад в Правлении Калмыцкого хутора в Десине на тему „Эпизоды из жизни калмыков в 18 веке".

Но прежде чем приступить к этим эпизодам, докладчик познакомил слушателей с деятельностью Казачьего Союза, который, будучи организацией неполитической, занимается только устройством казаков на работы и всякого рода вспомоществованиями. При чем, докладчик пожаловался на „Вольное Казачество", которое якобы не дает „Казачьему Союзу" спокойно работать, втягивая казаков в политику. Г-н Короченцев доказывал, что Казачеству никак невозможно отделиться от России, так как Казачество и Россия представляют из себя единый „кулак", и что с отделением Казачества от России кулак этот пропадает, без чего, якобы, жить невозможно, точно также, как не может жить разрезанный на части организм человеческого тела.

Будучи человеком не очень образованным по-европейски и будучи не опытным в писании по-русски, я не могу разбирать и критиковать этот доклад и даже не знаю в какой степени все это является неполитической деятельностью представителя неполитической организации, но мне, человеку знакомому с буддийским образом мышления, показалось странным сравнение докладчиком организма человеческого с организмом государства.

По моему такое сравнение — ни что иное, как игра сравнениями, рассчитанными на простоту слушателей. Правда, что человеческий организм, разделенный на части не может жить, а если отрезать те или иные части, то отрезанные части погибают, а оставшаяся часть тела страдает недостатками, но организм государственного тела, если только его можно сравнивать с телом, прекрасно живет дальше и после разделения на части, даже отрезанные части этого организма начинают жить лучше, чем при „своем" организме, да и самый организм, потерявший те или иные части, продолжает жить прекрасно. Примером может служить та же Россия, с потерей Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и пр. Так что это сравнение докладчика о невозможности разделения государственного организма страдает недомыслием.

Потом я усомнялся в том, чтобы все это относилось к области: „Эпизодов из жизни калмыков в 18 веке". О самых этих эпизодах докладчик ничего нового нам не сказал. Все это нам давно известно из материалов, представленных нам Калмыцкой Ком. Культ. Работников. Правда, по Короченцеву оказалось, что наш предпоследний Хан Дондок-Омбо не был ханом, а только русским князем. Это кажется тоже не совсем верно.

Санжа Аршинов.

Письмо в редакцию.

Станичник Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах Вашего уважаемого казачьего журнала „Вольное Казачество" мое нижеследующее письмо.

Мною был напечатан в журнале „Казачий Сполох", начиная с 15-го марта 1926 г., целый ряд моих произведений: Голутвенные песни, Арчадинская, Привраг-

ные сны, Ложечка и т. д. Это дает мне право называться старым сотрудником этого журнала. Получив, после перерыва, № 21. „К. С.“ заявляю о том, что из состава сотрудников этого журнала выхожу, так как считаю для себя унизительным, а для казачьего имени позорным быть сотрудником его при создавшемся положении вещей.

Журнал, который провоцирует идею Казачества, пользуясь безответственными выступлениями лиц, вышедших почему либо из Вольного Казачества, для достижения своих, разлагающих Казачье студенчество целей, не только не может собрать живые творческие его силы, но наоборот, отталкивает и тех, которые собрались на призыв Кондратия Афанасьевича Булавина, выставленный в № 8 „Казачьего Сполоха“, как девиз:

— Всем старшинам и казакам за Дом Пресвятыя Богородицы и за истинную веру и за Все Великое Войско Донское, также сыну за отца, брату за брата, другу за друга стать и умереть за одно.

Журнал не выполнил своего девиза и занялся политической грызней и литьем помоев.

Не следует грязнить казачьи знамена, и не следует казачьим журналистам и писателям быть сотрудниками журнала, который оперирует подобными достижениями.

Статья г. К. П. помещенная с ведома Редакции в № 21 несомненно найдет себе должную оценку и среди рядового Казачества, — оно сумеет в ней разобраться.

И даже выступления, аналогичные выступлению „Группы Вольных Казаков“ не что иное, как тактическое расхождение, которое сотрется в тот момент, когда потребуется жертва на алтарь нашей родины — Казакии.

Растущая сила Казачества многим не дает спать.

Да, одни делают, других совесть грызет.

Не вдаваясь в подробности, обращаю внимание остальных наших литераторов, уважающих казачий народ, на искажение лозунга журнала и призываю их об'явить ему бойкот до тех пор, пока Общеказачья Студенческая Станица в Чехословацкой Республике не положит предел произволу Редакторов, не только не понимающих своего призвания всемерно служить Казачеству, как Его культурная сила, но и работающих на разложение наших пусть небольших, но зато своих ценностей, созданных идейными казаками.

Думаю, что и братья по перу, калмыки, дадут должный и заслуженный ответ Эрдне Николаеву, как даем мы, казаки, господину Попкову.

8 Июня 1930 г. **Борис Кундрюцков.**

Кубанская казачка Ева Селина, джигитующая в цирке в Чикаго.

Казачата в эмиграции. Ваня Фомин из Болгарии.

† Г. И. Дьяконов.

Казаки города Журжу (Румыния), работающие на сахарном заводе „Danubiana“, с глубоким прискорбием извещают о смерти своего собрата Григория Ивановича Дьяконова, казака Николаевской ст., в. Д., 53 лет.

Очень опечалены, что не судил Бог тебе, денно и ночно мечтавшему о твоей Николаевской станице, снова увидеть ее, родную.

Тяжело, что бессердечная смерть уменьшила нашу казачью семью...

Покойный похоронен на местном христианском кладбище.

Царство небесное тебе, дорогой наш десятилетний сожитель!

Отдел труда.

Кубанец, специалист по молочно-сыроваренному делу, с хорошей семилетней практикой ищет постоянное место. Согласен на выезд в любое государство. Предложения направлять в редакцию „В. К.“

Розыски.

Казак стан. Отрадной Т. Л. Ляхов розыскивает своего станичника Владимира Анис. Башкотова, уехавшего из Константинополя в 1923 г. в Канаду. Знающих его адрес прошу сообщить по адресу: Bulgarie, София ул. Хаджи-Димитров, 3.

Опечатка. На стр. 8, левый столбец, 5 стр. сверху, вместо: „с неуловимой последовательностью“ следует читать: с неумолимой последовательностью.

В Казачьих Землях.

Рассказ „возвращенца".

Ко мне неоднократно обращались казаки с настойчивыми просьбами рассказать им о настроениях среди Казачества в Родных Краях, о жизненных условиях *там, возможностях борьбы с большевизмом и т. д.* Остановимся на последнем вопросе.

Возможна ли организация местных сил в наших Краях для борьбы с большевиками? Мне ясно, что нет никакой возможности там организовать широко разветвленную сеть групп бойцов с врагами Казачества. Придушенное и прослоенное агентами тайного сыска, Казачество не в состоянии организовать силу, способную свергнуть всем ненавистное иго большевизма. Многочисленный административный аппарат и детально продуманная организация секретно-осведомительного отделения Г. П. У. лишает всякой возможности местное население сплотиться для борьбы. Мы отсюда из заграницы должны начать борьбу с красными оккупантами. Казачество в Краях нас поддержит. Мы должны рассеять иллюзии некоторых мечтателей, что Казачество без нас сможет свергнуть большевиков и предупредить тех, кто подумывал возвратиться домой при большевиках. Ниже разрешите мне, как пережившему и на себе испытавшему удары молота „чека", нарисовать Вам несколько картин из жизни в Г. П. У., его заправил, тех, кого гнут в „бараний рог" и кого пускают в „расход", об'ективно, нисколько не сгущенными красками и без преувеличений, — я хочу воскресить в памяти Казачества ту страшную Голгофу, которую пришлось пройти многим казакам-возвращенцам.

Я возвратился домой в 1923 году, когда среди Казачества в эмиграции возвращенство носило характер *эпидемии. В те времена многие политические деятели* ожидали от большевиков (с об'явлением Нэпа) эволюции вправо и что большевики переродятся, отказавшись от своей большевицкой тактики. Этого и я ожидал, как, очевидно, и подписавшие воззвание о возвращении некоторые видные кубанские деятели — ведь и европейские политики, с большим жизненным опытом, иначе тогда не смотрели и потому правительства их вперегонку признавали de jure СССР.

Прибывши домой, я, нетревожимый органами ГПУ, жил спокойно в продолжении целого месяца. Но вот через знакомого коммуниста я узнаю, что мной интересуется ГПУ. Я поступаю на работу в кооператив — служба в нем давала мне средства к существованию. Я работал в той отрасли народного хозяйства, о которой мечтал еще заграницей и в тоже время я числился в трудящихся профессиональных массах, на случай если-бы большевики начали усиливать классовую борьбу.

Утром, часов в семь, я увидел, как к нам во двор вошел чекист. Сердце мое как будто чувствовало, что это за мной. Вылезши, в противоположную сторону от ворот, через окно кухни, я ушел на работу. Убегать мне нечего было, потому что я не чувствовал за собой грехов, да и некуда было — все равно поймали-бы. Чекисты явились за мной на службу. Очень вежливо и корректно вызвали меня в коридор и, об'явив меня арестованным, повели в ГПУ. Я успел лишь попросить их сообщить директору о случившемся, что сам комиссар и исполнил уже в мое отсутствие. „Чека" помещалась в б. гост. Губкина, против Войскового Собора и в гостинице по Бурсаковской улице возле Нового базара, где помещался когда-то штаб Добровольческой армии. В „Чека" мне сказали, что скоро придет дежурный и снимет допрос. До допроса меня „временно" отвели в большую камеру предварительного заключения, где находилось около полутора десятка самой разношерстной публики. Камера была необыкновенно грязная. Пол, очевидно, не мылся в продолжении нескольких лет. На стенах, кой-где с осыпавшейся штукатуркой, пестрели выцарапанные надписи, вроде: „Здесь умер М. Тр.", „погиб честный с.-р, отомстите, товарищи!" и т. д. и т. д. Но, думаю, что все, кто писали прощальные надписи на стенах, ошибались. Мне говорили потом, что в „расход" пускались в городской тюрьме.

При моем входе, в камере наступило общее молчание. Через несколько минут молчания меня начинают расспрашивать откуда я, за что арестован и т. д. На вопрос, за что арестован, я не мог ответить хотя бы несколько удовлетворительно, потому что и сам толком не знал, как и многие из там сидевших. Но вот семинарист учительской семинарии из ст. П. начал рассказывать анекдоты; публика развеселилась и даже стала смеяться; какой-то солдат начинает затягивать „яблочко"; один казак, реэмигрант, прекрасным тенором поет „Садко" — все слушают, даже часовой заинтересовался „заграничным произведением".

Приносят еду. Каждому дают порцию черного хлеба по ¾ фунта на сутки и что-то похожее на суп „со шрапнелью". После обеда я ожидаю, что меня поведут на допрос. Но реэмигрант меня информирует, что здесь допрашивают только ночью и, что бывают случаи, когда в продолжении двух — трех недель человека не вызывают к допросу. Он был прав. В продолжении недели меня не вызвали. Полуголодный, со взвинченными нервами, я решаюсь писать заявление с требованием об'явить причину моего ареста. Семинарист не советует. „Бросьте, здесь никакие заявления не помогают". Но к моему счастью, после восьмидневного заключения, меня (ночью) вызывают к допросу. Нервы настолько взвинчены, что мною начинает овладевать мания преследования — мне кажется, что меня поведут к расстрелу. Я хочу отказаться идти, но реэмигрант успокаивает меня и потихоньку подводит меня к выходу. При входе к начальнику секретно-оперативного отделения Иванову, прекрасная меблировка комнаты и улыбающаяся физиономия чекиста действуют успокаивающе. У меня мелькнула в голове надежда на освобождение.

— Да, слыхал, что вы собирались писать заявленьице, но это лишнее. Вам надоело, очевидно, сидеть? Ну что-же, без этого нельзя, мы должны узнать Вас. Но знаете, за что Вас арестовали? Ваш отец и брат, оказывается, занимались шпионажем в пользу зеленых... мы имеем документы. Этого не может быть. Вы сочиняете, товарищ. Ни отец, ни брат никогда не имели никакого отношения ни к белым, ни к зеленым.

— Но, бросим эти ненужные разговоры! Мы знаем, что в станицах к Вам казаки относятся с уважением, что Вы не враг Советов, и потому хотим сделать Вас нашим приятелем. —

— Так для этого меня посадили?

— Ну, как сказать!.. — усмехается и удобнее усаживается в широком кожаном кресле. — Вы человек не глупый, кажется пописывали в „Кубанском Крае" (он в комплементах был очень щедр). Коротко говоря... Вы нам нужны... подумайте хорошенько... Я Вам не желаю зла. — Со словами: — об этом разговоре знаем только Вы да я, — отправил меня в камеру...

Какая бешеная свистопляска мыслей была у меня в голове! Всего сказанного Ивановым было так много для меня и так все было загадочно, что я положительно сходил с ума. Я не мог себе представить как могли отец и брат заниматься шпионажем. Думаю, врет Иванов. Хочет сделать с меня „сексота" (секретного сотрудника Г. П. У.). Но при чем же отец и брат? Мог *просто сказат, что расстреляют меня, если не соглашусь.* Ведь масса бывало случаев, когда расстреливали по фиктивным делам. Нет, очевидно, Иванов принадлежит к „тонким работникам" и знает, что погрозив расстрелом, я под принуждением мог согласиться и иметь, таким образом, оправдание... в случае чего... Он хочет, чтобы я добровольно предложил ему свои услуги.

Я лежу на полу, закутавшись в свое пальто. Передумываю предложение Иванова и... уже стараюсь найти оправдание своей будущей деятельности „сексота". Долго раздумывать не приходилось. Я решил быть „сексотом". Не создавать карьеру у большевиков хотел я, но иметь возможность для побега назад за границу. На дворе скоро будет светать. Все в камере спят. Но шумом и голосами вошедших в камеру, камера пробудилась — к нам привели священника, диакона и церковного сторожа. Как потом выяснилось, их привлекли за

насаждение в массах идей, враждебных советскому строю. Не помню из какой станицы они были. Однажды утром население ихней станицы в церкви увидело несколько „обновившихся“ икон. Но, что было удивительно, сторож был как-то в стороне от священника и диакона. После нескольких часов молчания, сторож разговорился — он жаловался, что его невинно арестовали. С рассветом их всех трех увели. Один из чекистов потом нам рассказал, что „чудо обновления“ подстроили священник и диакон, что в этом признался сторож. — Как же после этого таких гадюк не уничтожать? — злорадно вопрошал чекист.

Вскоре вызывают меня „с вещами“. Откровенно признаться, мороз прошел по мне и волосы стали дыбом. Кто в советском союзе не знает, что значит, когда вызывают „с вещами“? Успокаиваю себя надеждой, что отпустят. Не даром же Иванов предлагал подумать. Или просто хотел обмануть меня, чтобы идя на расстрел, я не боялся? Нет. Меня отправили на Владикавказский вокзал и посадили в вагон для арестованных, где я увидел заключенных по делу „обновления“. Жутко стало. Ведь чекист сказал, что их пустят в "расход"... Неужели и меня? Поезд трогается. Мелькают знакомые станицы — Динская, Пластуновская, Платнировская. На станциях всюду толпы „господ положения“ в кепках и картузах. Лишь изредка увидишь казака в папахе. Казачество перестало носить черкески... чувствует себя подавленно и сторонится от строителей „советского рая“, представляющих собой грязных, заросших длинными волосами и оборванных кацапов.

Мы в Ростове. Сильный отряд чекистов оцепливает наш вагон и, выстроив всех арестованных перед вагоном, предварительно оцепив нас кольцом, ведет через весь город в Нахичеванское Г. П. У. После переклички меня садят в „одиночку“.

Мой сосед справа — страшно буйный. Бьет окна, стучит чем попало, кричит звериным ревом — очевидно „смертник“. Ночью пришли его „убирать“. К моему великому несчастью, я проснулся, когда топот чекистов миновал мою камеру и затих у камеры „смертника“. Ясно слышу, как замок открывается и „смертнику“ предлагают следовать за ними. О, нет! Он не хочет идти. Вчерашний буйный заключенный сделался трусливым как мышь и жаждущим жизни, как утопающий. Ко мне доносятся робкие слова: — Нет, нет... я не пойду... — Он прижимается спиной к углу и когда к нему подходит чекист, чтобы его вывести, бьется отмахивая от себя руку чекиста и боязливо лепечет: — „Не хочу... не хочу... оставьте меня...“ — Слышу по шагам, что чекист оставляет его. За минуту слышу нежный, задушевный уговаривающий женский голос:

Не бойтесь, Вам ничего не сделают... Идите выкупайтесь... Примите ванну и Вас опять сюда приведут. Слышу тихое, робкое: — Нет... нет... Вы меня расстреляете... —

Слышу несколько тяжелых шагов, приближающихся к забившемуся в угол смертнику... Шум, короткая схватка... Несколько ударов... возня... Рычащего и стонущего проносят моего соседа мимо моих дверей. Очевидно, понесли его на задний двор, в подвал бывшей конюшни, где, говорят, пускают в „расход“. Палач, здоровый детина, подходит сзади, тяжелой, сильной рукой схватывает за левое плечо и приставив наган к затылку... пускает пулю. Так теряет свою жизнь человек, потерявший свое имя и фамилию с того момента, как попал в одиночку смертника и приобрел номер. Что не стало такого-то номера в живых многие чекисты знают, но кто он был — единицы.

В эту же ночь вызывают и меня. Я весь дрожу, как осиновый лист. Я — тот, который согласился служить „сексотом“ и который заранее оправдал свою будущую „работу“. Но я не знаю и не уверен буду-ли я жить через минуту... Здесь допрашивает уже не Иванов. Заведующий здешним секретно-осведомительным отделением Зарецкий, имея перед собой мое „дело“ (целую кучу бумаг), показывает ордер на арест моего брата и отца. Когда я ознакомился с содержанием ордера, Зарецкий хладнокровно спросил: — Вы решили? Прикажете порвать? — Да! — Но Вы научите меня, что и как мне делать, чтобы я не провалился. — Ну, конечно, научим. Вы должны помнить, что если провалитесь, пощады нет, если же мы неудачно провалим, то можем перевести Вас в другой район. Вы очень ценный работник. Вы сейчас работая в кооперации, приносите много пользы, восстанавливая народное хозяйство. Но здесь у нас в центре политической борьбы Вы принесете больше пользы для революции... —

Стук в дверь, прерывает речь Зарецкого — входит чекист. Что-то по секрету сообщает Зарецкому. — Ничего, ничего! введите это свой человек. В кабинет входит выше-среднего роста, стройный б. офицер Донской армии и несмело останавливается у дверей. Зарецкий поднимается с кресла, подходит к нему и начинает расспрашивать. Это был участник Степного похода и Мамонтовского рейда. Я старался не слушать допрашиваемого... Сознание мое, что я становлюсь „сексотом“ угнетающе действовало на меня... Я слышу удар и злорадные слова Зарецкого: — Что прикидываешься Христосиком? — Допрашиваемый только попятнулся, но стоял на месте побледневши, как стена. Арестованного увели.

Зарецкий, усевшись в свое глубокое кожаное кресло, вздохнувши начинает: — И чем думают там наши дураки заграницей, что присылают заведомо реакционный элемент... Заманнвают в „Союз возвращения на родину“, а нам работа... Бывали случаи, что возвращали старых жандармов. Верить им нельзя, и мы не можем их пускать... Но теперь к Вашему делу. Вот по этому образцу напишите заявленьице. Разберем. Откровенно говоря, Вы мне нравитесь и потому я за Вас постою. Я думаю, что сначала Вам придется поработать на Кубани среди казаков — уж слишком непокойный это элемент. А потом что-нибудь сообразим насчет заграничных. Хотите чаю? —

Я не отказался. Нам принесли по стакану чаю, полную сахарницу сахару, два больших бутерброда. После моего несколько-недельного недоедания, я мог бы с'есть целого быка. Зарецкий заметил, с какой жадностью я уплетал бутерброд: — Ну мы Вас откормим уж потом, постараемся вознаградить...

На другой день, получив задание донести о настроениях некоторых б. членов Кубанской Законодательной Рады, я выехал из Ростова. Имея деньги и документы я сразу же очутился под Новороссийском, где делал плот, чтобы с Nord-Ost-ом пуститься в опасное плавание через Черное море.

Л. П.

Копия письма, полученного с Кубани (20-IV, 1930).

Христос Воскрес, дорогой брат!

Я уже писал тебе, где я живу, что делаю; остаюсь в том же самом положении, а потому повторять не стану.

Вчера случайно попал домой, несмотря на трудности и могущую быть смерть, все же захотелось пробраться хотя в стены родного дома, с которым связаны воспоминания самого лучшего времени жизни... Сегодня праздник Пасхи. Не знаю, как ты его встречал и провел, но думаю, что лучше, чем мы. Ведь как бы ни было, все же ты живешь между людьми и сам должен быть человеком, а мы живем между зверями, в полном смысле слова, поэтому и сами тоже похожи на зверей. Да разве человек может быть иным, когда на протяжении 10 лет ведет беспрерывную борьбу за свое сохранение с теми, которые не стесняясь никакими средствами, ведут поголовное истребление казачества... Поэтому для нас праздник Пасхи проходит в том же мраке, которым мы окутаны вот уже 10 лет, но прежднее время было не то. В настоящее время настала, видимо, последняя, — жить или умереть нам, казакам, здесь оставшимся.

Сегодня проведу день в стенах родного дома тайно, а в ночь нужно снова удирать туда, где много таких, как и я, являются все таки силой, которая ведет борьбу с наводнившими наши края, начиная с орловских, тамбовских и кончая интернациональным — сбродом, сбежавшимся со всего света, и ведущим разорение края и уничтожение нас, казаков.

Прочитавши твое последнее письмо, я решил, пока есть возможность, написать тебе это письмо, а также прилагаемое. Прилагаемое письмо, если дойдет до тебя, может быть ты найдешь возможность издать его гласности нашей казачьей эмиграции. До нас, хотя туманно, но доходят слухи, что у Вас там есть организации, существуют атаманы и даже правительства, передай им наш голос, что мы изнемогаем в борьбе. 10 лет вели борьбу за свое существование, в надежде на то, что Вы придете и поможете, но силы наши тают каждый день, поэтому настала последняя схватка, и если в этом году нам не помогут, то мы должны погибнуть поголовно... Будь здоров, привет от тысяч казаков, живущих в лесах, полях и оврагах, всем Вам зарубежным казакам...

Р. С. Ф. С. Р.
Донское казачество
Кубанское казачество
Терское казачество
Ставропольское
Калмыцкое
Астраханское
Оренбургское
Волжское казачество
Черноморское
Сибирское казачество
ЧЕЛЯБИНСК
ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО
ОРЕНБУРГ
УРАЛЬСК
р. Урал
АКТЮБИНСК
АВТ. НЕМЕЦКАЯ РЕСП.
р. Медведица
УКРАИНА
ДОН
Царицын
р. Дон
р. Волга
УРАЛЬСКОЕ ВОЙСКО (ЯИК)
КИРГИЗЫ
Новочеркасск
р. Сев. Донец
Таганрог
Ростов
Мариуполь
Гурьев
Ейск
АЗОВСКОЕ МОРЕ
АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО
КАЛМЫКИЯ
Элиста
Астрахань
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
УРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КРЫМ
Керчь
КУБАНЬ
Катеринодар
р. Кубань
Ставрополь
ТЕРЕК
Новороссийск
Моздок
Александровск
р. Терек
Туапсе
Грозный
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Владикавказ
ГОРЦЫ
Петровск
ТУРКМЕНЫ
И. Билый – А. Бутинский – 1929.